

М. МАТЬЕ

**ДЕНЬ
ЕГИПЕТСКОГО
МАЛЬЧИКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Annotation

Издавна уж так повелось, что с детства мы знакомились с греческой историей, греческими мифами, с подвигами Спартака. А Египет, самый древний Египет, с его повседневностью, с его высочайшей культурой, с его бытом, его «воздухом», как бы оставался за далеким горизонтом.

Матье перенесла нас в Древний Египет. Она рассказала, как проводил свой день египетский мальчик, о доме из глины, в котором он жил, о колотушках, которые он получал от школьного учителя. Рассказала об иероглифах, которые он выводил тростниковой палочкой на черепках и на папирусе, о странных буквах, напоминающих рисунки.

В повести воссоздан мир, который оставил множество памятников материальной и духовной культуры. Так оживают картины далекого прошлого.

- [Милица Эдвиновна МАТЬЕ](#)
 - [ЕГИПЕТ — РЯДОМ С НЕВОЙ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
 -
 - [Сказка о потерпевшем кораблекрушение](#)
 - [Волшебник Деди](#)
 - [Повесть о Синухете](#)
 - [Из «Поучения Ахтоя»](#)
 - [Из «Жалоб Ипувера»](#)
 - [Военная песня из надписи полководца Упы](#)
 - [Рабочие песенки](#)
 - [Из «Гимна Нилу»](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Милица Эдвиновна МАТЬЕ
ДЕНЬ ЕГИПЕТСКОГО МАЛЬЧИКА

ЕГИПЕТ — РЯДОМ С НЕВОЙ

Милице Эдвиновне Матье не довелось сойти с корабельного трапа на пристань Александрии, не довелось приземлиться на Каирском аэродроме. Но она видела Египет, потому что знала эту страну, как знают ее лишь те, кто посвятил Египту годы и годы подвижнического труда.

Родилась Милица Эдвиновна на исходе прошлого века в хмурой крепости, повитой туманами Балтики и корабельными дымами. Там, в Кронштадте, жила она недолго: тяжелобольную девочку отвезли в Петербург, в клинику Турнера.

Бесконечные месяцы, за окнами смены времен года, а вокруг все те же больничные стены. Но если ты наделен воображением, ты уходишь из палаты в далекое путешествие, навстречу опасностям и приключениям.

Девочка, по имени Милица, странствовала не в одиночку. Ее сопровождали молчаливые подруги — куклы. Однажды, взявшись за руки, они пересекли страны и моря и очутились там, где медленны воды желтого Нила, где пирамиды отбрасывают резкие, четкие тени...

В том далеком краю Милица Эдвиновна осталась навсегда и ее куклы тоже, хотя они жили в доме у Невы. А на другой стороне широкой державной реки на береговом граните возлежали задумчивые изваяния. На их пьедесталах значилось:

С Ф И Н К С

из древних Фив в Египте перевезен в град святого Петра в 1834 году.

И там же, на правом берегу Невы, был университет.

В клинике Турнера больную девочку увлек загадочный Египет. В университете студентка Матье слушала лекции блестящих знатоков Востока — академиков Тураева и Струве. И вскоре она вправду оказалась в Древнем Египте: в Эрмитаже, хранительницей египетских древностей.

С того дня до кончины своей в апреле 1966 года более четырех

десятилетий отдала Милица Эдвиновна Эрмитажу.

Не в глубь веков — в глубь тысячелетий пролегал путь историка. И на этом долгом, трудном, подчас изнурительном пути ярко, реально возникали перед мысленным взором картины древнейшей культуры. Подробные, точные, почти осязаемые.

Искусство Древнего Египта — вот на чем сосредоточилось пристальное внимание ученого. Искусство Древнего Египта — вот что хотелось М. Э. Матье понять, изучить и поведать нам, ее современникам.

Чуткие руки ученого касались тысячи предметов, будто излучавших живое тепло удивительных мастеров древности. Она вчитывалась в папирусы, словно бы запечатлевшие трепет вдохновенных поэтов, усердие безымянных писцов.

В залах и кладовых Эрмитажа слышался ей шум и говор древних городов, глухой стук мотыги земледельцев, окрик надсмотрщиков и стон рабов, возводивших усыпальницы фараонов.

Работы заслуженного деятеля искусств, доктора исторических наук, профессора Матье неизменно удостаивались высокой оценки советских и зарубежных ученых. «Во времена Нефертити» и удивительная монография «Искусство Древнего Египта» переведены на многие языки мира, они вошли в золотой фонд египтологии.

Ученые из Каира и Александрии после встреч и бесед с Матье признавались, что поначалу все принимали за мистификацию. Не трудно, а просто невозможно было верить в то, что они беседовали с человеком, который не испил нильской воды, никогда не дышал знойным воздухом Африки, с человеком, который никогда не поднимался по ступеням Карнакского храма.

Книги Матье привлекали не только специалистов. Казалось бы, не завлечешь человека, чуждого египтологии такой монографией, как «Мифы Древнего Египта». Но тайна трудов Матье была в том, что страницы ее подлинно научных трудов отображали вполне земные, вполне реальные человеческие беды и радости. И поэтому волновали, брали за сердце читателя, далекого от сугубо научных исторических интересов.

Всегда очень занятая, поглощенная своим делом, передвигавшаяся по залам и коридорам Эрмитажа в коляске, Милица Эдвиновна Матье исследовала египетские памятники, переводила на русский язык древние египетские папирусы.

Ее квартира как бы продолжала эрмитажные анфилады. Но здесь, дома, она видела своих старых и нестареющих подруг-кукол, спутниц детских странствий. И Милица Эдвиновна отправлялась с ними в новые

путешествия. Они опять были в Древнем Египте, но теперь уже с героями книжек. Книжек для детей. Так давнее, минувшее в больничной палате, пересеклось с поздним, эрмитажным, так воображение слилось с точным знанием.

Сначала М. Э. Матье создала повесть «День египетского мальчика», затем «Кари — ученик художника». И автору поистине удалось поймать «быстрокрылую птицу юношеского внимания», как говорил историк Ключевский.

Издавна уж так повелось, что с детства мы знакомимся с греческой историей, греческими мифами, с подвигами Спартака. А Египет, самый древний Египет, с его повседневностью, с его высочайшей культурой, с его бытом, его «воздухом», как бы оставался за далеким горизонтом.

Матье перенесла нас в Древний Египет. Она рассказала, как проводил свой день египетский мальчик, о доме из глины, в котором он жил, о колотушках, которые он получал от школьного учителя. Рассказала об иероглифах, которые он выводил тростниковой палочкой на черепках и на папирусе, о странных буквах, напоминающих рисунки.

Любовь к детям, редкостное умение просто поведать о сложном отличают творчество Матье. Весь богатейший материал, собранный и тщательно изученный ею, ожил на страницах повести, в картинах, полных движения и света.

Можно написать роман об Атлантиде или о Венере. О таких романах можно спорить: ни Атлантиды, ни Венеры никто не видел. В повестях Матье воссоздан мир, который оставил множество памятников материальной и духовной культуры. И люди из Египта, люди, которые видели этот мир своими глазами, не могли поверить, что то же самое (если не прозорливее, чем они) видела и эта женщина, никогда не покидавшая свою страну.

Известно, что дарование исторического беллетриста — дарование совершенно особого рода: тут необходимы не только знания, но и интуиция. Конечно, знания могут быть и без интуиции. Но интуиции не обойтись без знаний.

В творчестве Матье все это удивительно сплавлено, она писала то, что видела, осязала, чувствовала. Это было доступно лишь ученому, обладающему художественным видением.

Дети отзывались на ее книги точно и правдиво:

«...Нам все кажется, что автор жил там сам...»

Маленький Сети жил в Египте 33 века назад. Рано утром его будила мама, и ему, как всем школьникам на свете, не хотелось вставать. Но

упоминание о плетке учителя мигом поднимало Сети с циновки. Ох уж этот учитель Шедсу! И Сети — Миу-нофер (что значит «хороший кот») и его друг Ини — Миу-бин (что значит «плохой кот») мстили ему за придирки и плетку. А вот другой учитель, Аменхотеп, — тот добр и справедлив. И на его уроке так приятно, хотя и трудно выводить на глиняном черепок иероглифы. Надо постараться, и тогда Аменхотеп может разрешить писать на настоящем папирусе.

А счет?

Сети может написать любое число. Он знает, что единицы обозначаются палочками, десятки — знаком, изображающим кусок веревки, сотни — свернутой веревкой, тысячи — болотным растением, десятки тысяч — пальцами, сотни тысяч — головастиком, а миллион — человеком, который даже руки поднял от удивления перед таким большим числом.

А в конце книги приложены сказки и рассказы, те самые, которые читали и переписывали в школе египетские мальчики почти 4000 лет назад.

Другая книга Матье, «Кари — ученик художника», начинается так:

Сильнее Уасет всех городов...

Не сражаются вблизи нее, велика ее сила.

Она — их владычица, более могучая, чем они.

Так воспевали древнеегипетские поэты самый большой и самый замечательный из городов Египта, его столицу Уасет, или Фивы, как называли его греки.

Пышные дворцы и храмы, богатые дома знати превратили Фивы в самый большой и богатый из египетских городов. А на окраине Фив в бедном поселке Слушающих зов жили искусные мастера. Это они трудились в Долине царей, где были расположены гробницы фараонов. Это они вырубали эти гробницы в скалах, делали на стенах замечательные росписи, создавали прекрасные статуи — они строили этот «город мертвых». И вместе с ними трудился герой книги Матье — Кари, который был учеником художника.

Так оживают картины далекого прошлого.

И ребята читают книги Милицы Эдвиновны Матье, и до сих пор шлют письма, в которых еще и еще раз спрашивают о Сети и Кари. И в каждом письме:

«...Нам все кажется, что автор жил там сам...»

Г. Дубровская

Глава I

УТРО

— Сети, вставай! Пора вставать, сынок!

Голос матери, тихий и ласковый, звучит над головой спящего мальчика, ее мягкая рука гладит его смуглое плечо.

— Вставай, пора в школу!

Сети чуть-чуть приоткрывает черные глаза и сразу же крепко их зажимуривает. Ох, как неприятно вставать! И не выспался он, и в школу идти не хочется. Но рука матери все еще на его плече.

— Вставай же, вставай, ленивый мальчик! Смотри, опоздаешь — и попробуешь плетки учителя!

Эта угроза действует. Мальчик вскакивает на ноги и широко раскрывает глаза.

Привычная обстановка родного дома сразу охватывает его. Узкая спальня с чисто выбеленными стенами. Устроенное почти под потолком небольшое окно с решеткой, через которое льются потоки света и доносится вкусный запах свежих ячменных лепешек. Напротив у стены — кровать старшего брата, а в ее изголовье, на пестрой циновке, — два сундучка на низких ножках: один с одеждой, другой со свитками рукописей и принадлежностями для письма. Такие же сундучки, только меньшего размера, стоят и около кровати Сети. В открытую дверь, куда ушла мать, виден коридор. Слышны голоса отца и старшего брата, занятых чем-то в средней, главной комнате дома.

Сети быстро надевает легкий набедренник и выбегает мыться во двор. Он останавливается у колодца, рядом с которым стоит старая няня, уже приготовившая глиняный кувшин с водой. Няня, седая, сгорбившаяся за свою долгую трудовую жизнь, ласково улыбается любимому воспитаннику и начинает поливать ему воду на руки, голову и ноги. Сети смеется, брызгает водой на подошедшую к нему собаку и, вытираясь после мытья, внимательно оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, все ли по-старому и нет ли чего-нибудь нового и интересного.

Двор невелик. С одной стороны он примыкает к дому, а с трех других сторон обнесен глухими глиняными стенами, в одной из которых находятся ворота. Посередине двора — колодец, внутрь которого ведут винтообразно расположенные каменные ступеньки. У правой стены под навесом

устроены жаровни и хлебная печь: здесь готовят еду. Дальше — невысокие, круглые, похожие на большие ульи кирпичные амбары для хранения зерна. Рядом с каждым из этих амбаров пристроены ступеньки. По ним поднимаются носильщики с зерном, чтобы высыпать его в отверстие на верху амбара. Берут же зерно через дверцу, устроенную внизу, рядом с первой ступенькой. Сети знает, что амбары построены так для того, чтобы зерно постепенно опускалось сверху вниз, не залеживаясь, а значит, и не портясь.

У левой стены двора пристроены маленькие клетушки. Три из них — это кладовые. А в двух живут рабы — сириец Хару и Шерит, которая стряпает, стирает и убирает дом и двор.

Но вот Сети замечает во дворе незнакомую женщину. Невысокого роста, средних лет, ловкая и подвижная, она с помощью Хару устанавливает под навесом около дома ткацкий станок.

— Няня, кто это? — спрашивает Сети.

— Это Бакет, рабыня госпожи Неферт. Наша госпожа наняла ее на несколько дней, чтобы наткать полотна, — отвечает няня и добавляет, что за это мать Сети, Меритнейт, должна заплатить госпоже Неферт.

— А самой Бакет тоже заплатят? — спрашивает Сети.

— Самой Бакет? Нет, конечно, ведь она рабыня. Плату за ее работу получит ее госпожа. Бакет будут кормить — и это все! — вздохнув, говорит няня.

Сети смотрит на Бакет, на мгновение задумывается, но его внимание отвлекают голуби, порхающие над домом. Сизые, белые, они взлетают в синеву неба, спускаются, ходят, воркуя, по плоской крыше дома. И Сети очень хочется взбежать на крышу и поиграть с любимыми птицами. Но в дверях дома показывается мать и торопит мальчика завтракать и собираться в школу. Ничего не поделаешь, надо идти!

Сети очень любит свою мать. Невысокая, смуглая, с большими черными глазами, она так ласково смотрит на Сети. Мальчик подбегает к матери, обнимает ее и прижимается своим освеженным лицом к ее теплым рукам, от которых пахнет чем-то душистым и вкусным.

— Скорее, скорее, Сети, ты и так проспал! — говорит мать, глядя его лицо, и уходит в дом.

Семья обычно завтракает на полуоткрытой веранде, на северной стороне дома. На этой веранде очень удобно укрываться от палящих лучей солнца, а приятная прохлада свежего северного ветра хорошо помогает переносить нестерпимую жару египетского дня.

Но перед тем как пройти на веранду, Сети входит в главную комнату

дома, чтобы поздороваться с отцом и братом. Комната эта — приемная. Она расположена в самой середине дома; ее со всех сторон окружают другие комнаты — спальни отца, матери, Сети с братом, еще одна веранда, рабочая комната отца, кладовые. Поэтому, для того чтобы в главной комнате можно было сделать окна, ее стены выстроены выше стен всех других помещений дома. Потолок в этой комнате поддерживает деревянная, выкрашенная в кирпичный цвет колонна с каменной круглой базой. Только эта база да наличники дверей и сделаны из камня, стены же дома сложены из необожженных кирпичей, а крыша настлана из бревен, переплетенных ветками и обмазанных глиной.

Сети очень нравится главная комната дома, он считает ее очень красивой и ведет себя здесь тихо и осторожно, стараясь не запачкать чистый пол, не поцарапать стоящий посередине алтарь с изображением фараона на ярко раскрашенной каменной плите, не опрокинуть вазу с цветами или бронзовую жаровню, на которую при гостях кладут горячие уголья и кусочки душистой смолы, чтобы в комнате приятно пахло.

Здесь отец Сети — Усерхет и старший брат — Нахт. Отец — писец управления полями фараона. Он среднего роста, загорелый, сильный человек. На нем легкое белое одеяние, на шее — ожерелье из фаянсовых пестрых бус, на руках — такие же браслеты. Нахт — стройный юноша лет восемнадцати, одетый так же, как отец, с той только разницей, что его одежда немного короче, а ожерелье уже. Оба они позавтракали уже и вскоре уйдут: отец — в управление царскими землями, Нахт — в высшую школу, которую он оканчивает в этом году.

Нахт держит в руках развернутую рукопись с какими-то интересными рисунками. Сети сразу же замечает их, подходит к отцу и брату, здоровается с ними. Нахт, показывает рисунки отцу, а тот, погладив по голове младшего сына и ответив на его приветствие, продолжает внимательно и, видимо, с удовольствием слушать уверенное объяснение Нахта, из которого Сети ловит только слова:

— А вот в этот час созвездие Сах^[1] появляется над правым глазом!

Сети заглядывает в рукопись и видит сидящего на земле человека, вокруг которого нарисованы звезды. Сети так удивлен, что забывает все правила приличия и, перебивая Нахта, вступает в беседу взрослых:

— Что это такое?

Отец оборачивается к нему и недовольно поднимает брови, но Нахт приходит на помощь брату:

— Не сердись на него, отец. Смотри, как ему интересно!.. Это — изображение звезд на небе, маленький. После школы я тебе расскажу об

этом побольше, а теперь беги и помни: когда старшие беседуют, младшие молчат!

Нахт поворачивает Сети лицом к выходу и слегка подталкивает его в спину.

Сети даже доволен. Он может спастись от неприятных наставлений за допущенную им невежливость. В самом деле, как это он сплеховал — вмешался в разговор взрослых? Правда, очень уж интересная картинка. Нахт говорит, что это звезды в небе, а при чем же здесь человек? Разве он тоже в небе?

Но Сети не успевает додумать интересующую его мысль до конца, он уже на веранде, и его внимание привлекает приготовленный для него завтрак.

Взрослые уже поели, и Сети, поджав ноги, садится один на пеструю циновку и придвигает к себе небольшой низкий столик с едой. На столике стоит глиняный ярко расписанный голубыми и красными узорами кувшин с молоком, блестящее, бирюзового цвета фаянсовое блюдо с теплыми, вкусными лепешками, чашечка с медом и зеленая фаянсовая тарелка с финиками и виноградом.

Сети ест с аппетитом и в то же время прислушивается к разговору отца и брата.

— Значит, сегодня ты будешь продолжать свои наблюдения? — спрашивает отец. — Кто же еще будет с тобой?

— В паре со мной Птахмес, а рядом — Инени и Гори. Ну конечно, и учитель, и жрецы храма, — громко отвечает Нахт.

Голоса замолкают. Отец уходит в свою комнату, Нахт — в спальню братьев. Сети знает, что сейчас они надевают парики, которые полагается носить в Египте всем знатым и даже просто зажиточным мужчинам, затем они возьмут свои письменные приборы.

Вот они выходят через главный вход дома. Веселый смех Нахта слышен уже за дверью. Потом долетает стук сандалий по дорожке сада, хлопает калитка. Ушли.

Ну, надо торопиться и Сети. Он дожевывает лепешку с медом и быстро завязывает оставшиеся лепешки в кусок полотна, туда же засовывает финики и бежит в спальню за своими школьными принадлежностями. Вот его письменный прибор, хороший прибор, совсем как у настоящего писца: здесь и дощечка с углублениями для красок и тростниковых палочек, которыми пишут, здесь и пенал для запасных палочек. Сети укладывает палочки в пенал, привязывает его веревкой к дощечке и, как взрослый писец, надевает все это на плечо. В руках у него, кроме узелка с едой, еще

небольшой глиняный сосуд для воды. Водой Сети будет в школе разводить краски для письма.

На ходу он кричит матери:

— До свиданья, мама! Я пошел!

Сети бежит по коридору, через маленькую проходную, мимо главной комнаты, в сени, выскакивает в сад и в ту же минуту, вспомнив что-то важное, останавливается. Да, он ведь чуть не забыл взять лишнюю еду! А ему это очень нужно для одного дела. Как же быть?

Сети смотрит, нет ли поблизости няни. Какая удача! Вот она в садике подметает маленькую беседку.

— Няня! — тихонько зовет Сети.

И когда старушка торопливо подходит к нему, шепотом просит принести ему еще лепешек, луку и сушеного мяса. Он очень устает в школе, объясняет Сети, ему всегда так хочется есть! Няня кивает головой и быстро семенит в дом.

А Сети, ожидая ее, смотрит опять на голубей, летающих над домом, на весь дом, на садик. Дом этот принадлежит его отцу и был построен еще его дедом. Дед приехал в этот город по приказу тогда еще молодого фараона Рамсеса^[2] с юга, из столицы Египта, знаменитой Уасет^[3]. Дом уже старый, но его постоянно подправляют, подмазывают, белят — и он кажется новым и чистым. Садик, правда, очень невелик: всего несколько пальм, акаций, сикомор и гранатовых деревьев, но все-таки здесь построена ярко раскрашенная беседка, посажены цветы и даже выкопан маленький пруд — в нем цветут лотосы и плавают рыбки, а поближе к дому вокруг подпорок вьется несколько виноградных лоз.

Но вот и няня с узелком. Сети хватает его и, держа вместе со своим завтраком в одной руке, а другой поддерживая прибор для письма, шепчет няне слова благодарности и бежит, шлепая босыми ногами по каменным плитам дорожки, которая ведет от крыльца дома мимо садика к воротам.

Дорожка делает крутой поворот налево. Как раз у этого места стоит алтарь со статуей бога Тота, покровителя писцов. Сети останавливается на бегу, низко кланяется каменному богу с головой ибиса, быстро бормочет молитву с просьбой об удачном ученье. Потом со всех ног бросается к воротам и выскакивает на улицу.

Вдоль обеих сторон улицы идут такие же глухие глиняные стены, как и около дома Сети. Через эти стены кое-где видны верхушки деревьев, иногда — крыша дома. Но сегодня Сети не оглядывается по сторонам, не рассматривает ни прохожих, ни нагруженных товарами ослов. Он боится опоздать и бежит, стараясь не толкнуть встречных. К счастью, школа

близко — всего через две поперечные улицы, за углом. Вот и она — знакомый, но нелюбимый большой дом за длинной оградой. К воротам с противоположной стороны подбегают два мальчика.

Ворота, дорожка, поклон у алтаря, вход, сени, где уже слышен легкий гул голосов, большая комната... Слава Тоту, Сети пришел вовремя! Учителя еще нет, и плетки, по крайней мере за опоздание, не будет.

Глава II

ШКОЛА

Комната, в которую вбежал Сети, большая и светлая. Здесь уже не одна, а целых четыре колонны поддерживают потолок. Пол устлан циновками: на них и сидят, поджав ноги, во время занятий ученики.

В комнате много мальчиков. Они стоят, сидят, перебегают друг к другу, то весело болтая, то торопливо спрашивая о неясном в заданных уроках.

Сети быстро пробирается на свое место — во втором ряду у стенки — и еще издали машет рукой своему соседу и закадычному другу Ини, круглолицему черноголовому мальчику. Ини тоже машет ему рукой и кричит:

— А, Миу-нофер! Наконец-то! А то я уж боялся, что ты опоздаешь.

— Ну что ты, Миу-бин! — говорит Сети, добравшись до своей циновки и опускаясь на нее. — Я — и чтобы опоздал!

Миу-нофер — значит «хороший кот», Миу-бин — «плохой кот». Эти прозвища мальчики придумали себе еще в первый год своей школьной жизни. С первого же дня учения началась их крепкая дружба. Сначала разница в их характерах доставляла им немало неприятностей. Ини был очень вспыльчив и немедленно лез в драку. Сети был спокойнее, сам обычно драться не начинал, но сдачи давал крепко, а так как он был сильнее, то битым в конце концов оказывался Ини.

Вот в одной-то такой драке Сети, сидя уже верхом на прижатом к земле и только шипевшем от злости Ини, и назвал его злым котом — Миу-бин. Очень уж похож был Ини на сердитого, злого котенка.

— А ты-то? Ты кто? — в бессильной злобе крикнул тогда Ини.

— А я, конечно, хороший котик — Миу-нофер, — ответил, улыбаясь, Сети.

И от этой шутки почему-то вдруг пропала вся злость Ини, и ссора кончилась так же неожиданно, как и началась. Но прозвища прижились прочно, так что обоих друзей с тех пор часто так звали и другие мальчики.

Сейчас Сети, раскладывая на циновке принесенные с собой вещи, спрашивает Ини, что тот делал вчера вечером. Оказывается, Ини катался с отцом по Нилу и удил рыбу. Ини очень хочется рассказать другу, какую замечательную рыбу ему удалось поймать. Но шум в комнате внезапно стихает, все мальчики вскакивают и сгибаются в низком поклоне: в комнату

входит учитель, писец Шедсу.

Это невысокий человек лет сорока пяти, с равнодушным лицом и холодным взглядом серых глаз, которые, кажется, сразу видят все, что происходит в комнате. На голове учителя пышный завитой парик, в одной руке он держит длинный посох, на который опирается при ходьбе, в другой руке — плетъ. За ним раб несет письменный прибор и два ящика с рукописями.

Учитель кивает головой детям и садится в резное кресло черного дерева. Кресло стоит посередине, перед первым рядом учеников. Под ноги учителя раб подвигает низенькую скамеечку и ставит ящики с рукописями.

Старший ученик Яхмес подходит к учителю и, поклонившись, ждет приказаний.

— Сначала будем читать, — говорит учитель. — Яхмес, открой этот ящик и раздай свитки, по одному на двоих.

Яхмес быстро и ловко выполняет приказание. Мальчики получают свитки и садятся попарно поближе друг к другу.

Сети и Ини бережно берут доставшуюся им рукопись и осторожно начинают ее разворачивать.

Рукопись написана на папирусе крупным, четким почерком. Мальчики давно знают, что такое папирус, как и для чего он готовится. Этот желтоватый мягкий свиток сделан из особого болотного растения, в зарослях которого у берегов Нила так хорошо ловить рыбу и водяных птиц. Вот от стеблей этого растения и отрезают ровные куски, потом режут их по всей длине на тонкие полосы. Эти полосы склеивают в прямоугольный кусок, на него накладывают новые полосы, но так, чтобы волокна этих полос легли поперек волокон первого куска. Потом такой сложенный из двух слоев кусок бьют деревянным молотком, чтобы он стал тонким и оба его слоя плотно пристали друг к другу. Затем папирус кладут под пресс, и выделяющийся при этом сок прочно склеивает оба слоя. Остается только высушить папирус — и он готов. Но на таком куске папируса большая рукопись не поместится, поэтому обычно берут несколько кусков, склеивают, ровно подрезают и на полученном длинном куске пишут то, что нужно.

Когда рукопись готова, ее скатывают в аккуратный свиток. Это египетская книга, такая, какую держат сейчас в руках Сети, Ини и их товарищи.

Что же написано в этой книге?

Слышится легкий шелест разворачиваемых свитков. Мальчики с интересом всматриваются в новый для них текст. Первые две строки

написаны красной краской, дальше — черной. Они хорошо знают, что красным пишутся не только начальные строки рукописи, но и начало каждой ее главы, а иногда и просто новой части рассказа. Это очень помогает при чтении: ведь между словами египтяне не оставляют промежутков, и без таких красных строк было бы трудно находить нужное место в рукописи. Красной краской полагается писать и последние строчки, которые уже не относятся к теме самой рукописи, а содержат только указания, что это конец рассказа, и иногда имя писца, переписавшего рукопись.

Сети быстро пробегают глазами первую строчку: «Был человек по имени Хевинануп...» Ага, рукопись написана на древнем языке! Так говорили в Египте сотни лет назад, теперь говорят иначе.

Но Сети и другие мальчики хорошо знают древний язык. Ведь все основные слова остались те же самые. Значит, понимать древние тексты было не так уж трудно, стоило только запомнить, в чем состояли изменения.

— Читай ты, Пасер, — говорит учитель.

Пасер сидит в третьем ряду. Это довольно полный мальчик с ленивыми движениями и круглым наглым лицом. Он медленно встает и говорит, глядя в глаза учителю своими, чуть прищуренными глазами:

— Я не могу читать сегодня, господин, у меня болят зубы.

Сети и Ини недоверчиво и недружелюбно смотрят на Пасера. Они его очень не любят за высокомерие и лживость. Пасер часто отказывается отвечать уроки, но ему все сходит с рук, потому что его отец — чати, самый важный чиновник в Египте, первое лицо в государстве после фараона, и учитель Шедсу боится рассердить чати строгим отношением к его любимому сыну.

Вот и сейчас Шедсу ничего не говорит Пасеру, хотя тот явно лжет — зубы у него не болят, просто не хочет читать! Но учитель спокойно дает ему знак садиться и велит читать дальше его соседу Неферу. А попробовал бы кто-нибудь другой отказаться читать! Ого, что бы тут было! А разве это справедливо? Сети чувствует, что у него поднимается обида на учителя, и он старается не смотреть на него.

Нефер — невысокий мальчик с узкими, хитрыми глазками и довольно противным, по мнению Сети, лицом. Сети считает Нефера подлизой и подхалимом. Так думает не только Сети, а и многие другие мальчики. Нефер постоянно вертится около Пасера, потихоньку подсказывает ему, решает за него задачи, поправляет знаки при переписке. Так же поступает и приятель Нефера — Сенеб, причем оба они делают все это только для

Пасера, а никому из товарищей ни в чем никогда не помогут.

«Нефер и Сенеб стараются заранее выслужить себе хорошие местечки у будущего чати», — смеются мальчики.

Нефер и Сенеб юлят и около учителя. Они кланяются ему низко-низко, гораздо ниже, чем все их товарищи, причем делают это с такой заискивающей улыбочкой, что у Сети сжимаются кулаки. А у Ини и другого такого же горячего мальчика, Мехи, кулаки слишком часто не только сжимаются, но и опускаются на спину или голову Нефера и Сенеба, после чего следуют крики, жалобы и неизменная порка обидчиков.

Нефер учится хорошо, хотя он и не очень способный, но зато старательно заучивает все наизусть. И учитель постоянно его хвалит и ставит в пример другим ученикам.

Вот и сейчас Нефер начинает читать без единой запинки, ровно и отчетливо:

— «Был человек, по имени Хевинануп, земледелец. И была у него жена по имени Мерит. И вот этот земледелец сказал своей жене: „Вот я отправлюсь, чтобы принести еды моим детям. Пойдем же, отмерь ячменя, который в амбаре“. И она отмерила ему двадцать шесть мер ячменя. И земледелец сказал своей жене: „Вот остается двадцать мер ячменя для еды тебе и детям, а шесть мер ячменя приготовь для хлеба и пива, чтобы я был ежедневно этим сыт“.

Сети внимательно следит за чтением и даже водит пальцем по строчкам. Ему нравится простое и понятное начало повести. Это не то, что скучные поучения, которые их обыкновенно заставляют читать.

— Довольно, Нефер, очень хорошо. Теперь переведи последнюю фразу на новый язык, — говорит учитель.

Нефер правильно переводит. Учитель кивает головой в знак одобрения и говорит:

— Дальше читать будет Хеви.

С циновки около Нефера слышится вздох, сопенье, потом какая-то возня. Сети искоса смотрит туда. Чуть не фыркнув, он зажимает рот и низко нагибается над рукописью. Толстый, неповоротливый мальчик что-то дожевывает, потом выплевывает косточку финика и, сопя от напряжения, медленно начинает читать:

— «Отправился этот земледелец, и нагрузил он своих ослов растениями, солью, шкурами и всякими прекрасными вещами».

Хеви читает так медленно и тягуче, с такими остановками, что в комнату начинают доноситься тоненькие голоса маленьких ребят, которые учатся в школе первый год и занимаются сейчас в соседнем помещении.

И Сети, слушая длинный и скучный перечень всего, что повез на продажу земледелец, в то же время вспоминает, как и он сидел когда-то в комнате рядом и, с трудом запоминая отдельные иероглифы, учился их читать. Ох, как трудно было ему запомнить все эти знаки, каждый из которых казался ему сначала просто интересной картинкой, а никак не знаком для чтения!

Ведь здесь были разные птицы, звери, рыбы. Были и люди — мужчина, женщина, ребенок с пальцем у рта, воин с луком и стрелой, фараон в короне, боги с жезлами, танцующий человек, бегущий, упавший... А потом — растения, звезды, вода, земля, постройки, инструменты, корабли, сосуды... Да чего только здесь не было! К тому же один знак изображал целое слово, другой — слог, третий — отдельный звук.

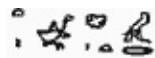
И вместо того чтобы запоминать, как надо читать каждый из этих знаков (а их было свыше семисот!), маленький Сети придумывал про них разные интересные истории и рисовал поэтому знаки не в том порядке, в каком их следовало изобразить, чтобы получилось слово, а так, как придумывался рассказ: за знаком воина он ставил колесницу — это значило, что воин поехал на войну; потом он рисовал бегущего человека — это бежал враг; потом упавшего — это врага убили.

Но учитель никогда не хотел слушать объяснений Сети, а просто бил его плеткой и заставлял снова и снова учить знаки.

В конце концов учить все-таки приходилось так, как этого требовал учитель, и маленький Сети постепенно научился читать.

Но трудностей было очень много и кроме заучивания знаков. Чего стоили разные правила правописания! Сложная грамматика! Например, если после слова стояли три палочки, это означало множественное число; а если слово писалось только одним значком, то для выражения множественного числа можно было просто написать это слово три раза.

Еще труднее, чем выучиться читать, было овладеть письмом. Неумелые пальчики маленького Сети выводили сначала совершенно непонятные, уродливые письмена, за которые ему больно доставалось от учителя. Немало слез пролил мальчик, пока научился более или менее сносно писать. За это время он узнал, что иероглифами рукописи не пишутся, их употребляют только для тех надписей, которые высекают на камне, — на стенах храмов и гробниц или на пьедесталах статуй. Пользоваться же иероглифами при письме было бы слишком сложно и долго, так как каждый знак приходилось бы, в сущности, рисовать, и поэтому для рукописей в Египте давно уже выработались упрощенные формы тех же иероглифов.

Иероглифы.

Упрощенное
написание.

Эти упрощенные знаки писались сравнительно легко и быстро. Но научиться писать, а кроме того, и читать рукописи было очень нелегко, и Сети это тоже стоило немалых слез.

Да и теперь, хотя Сети и знает почти все иероглифы и в полной и в упрощенной форме, учитель еще далеко не всегда бывает доволен его почерком. Зато читает он хорошо.

И в это время Сети как раз слышит, как учитель называет его имя.

Глава III

«РЕЧИ КРАСНОРЕЧИВОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА»

Хорошо, что Сети все время следил за медленным чтением толстого Хеви, которому в конце концов досталось три удара плеткой за ошибки в переводе, а то, пожалуй, можно было так задуматься, что сразу и не найти то место в рукописи, откуда следовало продолжать чтение.

Но теперь Сети бодро начинает читать:

— «Отправился этот земледелец на юг и встретил человека, который стоял на плотине. Имя его Тотнахт, сын человека по имени Исери. Это люди начальника Ренси. И вот Тотнахт подумал, когда он увидел ослов, которые ему понравились: „Если бы мне как-нибудь захватить имущество этого человека!“ Дом же Тотнахта стоял на узкой прибрежной дороге; с одной ее стороны была вода, а с другой — ячмень. И вот Тотнахт сказал своему слуге: „Поторопись, принеси мне ткань из моего дома“. И она была тотчас принесена. Он расстелил эту ткань на прибрежной дороге, и один ее конец упал на воду, а ее бахрома — на ячмень».

Рассказ захватывает мальчиков, и они внимательно следят, как Сети, а за ним Ини отчетливо читают и том, как бедняк земледелец, не решаясь ни наступить на материю, ни пройти по ячменю, просил злого и жадного Тотнахта освободить дорогу, но тот ни за что не соглашался. И тогда случилось то, на что и рассчитывал Тотнахт: один из проголодавшихся в пути ослов бедняка соблазнился вкусным ячменем, схватил несколько колосьев и начал их жевать.

— «И Тотнахт сказал: „Я заберу твоего осла, потому что он ест мой ячмень!“ И он взял ветку зеленого тамариска, избил земледельца, отнял его ослов я увел».

Дальше читает Минмес, невысокий, тихий мальчик, сидящий позади Сети. Мальчики узнают, что бедняк решил пожаловаться начальнику той области, где его ограбил Тотнахт, — важному вельможе Ренси. Придя к нему, он начал умолять о защите:

— «О начальник, господин мой, великий из великих! Руководитель, лишенный жадности! Великий, лишенный низости! Уничтожающий ложь и творящий истину, приходящий на голос зовущего! Сотвори истину! Вот мне тяжело — защити меня, вот я в беде!»

Очень красивую речь сказал бедняк, и мальчики были уверены, что Ренси смилуется и защитит его. Но оказалось, что речь была даже слишком красивой. Она так понравилась Ренси, что тот решил рассказать об этом фараону. Он знал, что фараон очень любит красноречие, и надеялся получить хорошую награду за такое интересное известие.

Действительно, фараон был так доволен, что распорядился не отпускать земледельца до тех пор, пока тот не произнесет еще несколько длинных речей, которые тут же должны быть тщательно записаны опытными писцами, чтобы фараон мог потом все это прочитать.

И вот несчастный бедняк был вынужден говорить с утра до вечера, умоляя Ренси о правосудии и защите. Он произносил одну речь за другой, и хотя в рукописи было сказано, что это были прекраснейшие речи, которые очень нравились и Ренси и фараону, мальчикам казалось, что речи эти становились все длиннее, все скучнее и все непонятнее.

— «О начальник, господин мой! — читает высокий подвижной мальчик с черными бойкими глазами, которого зовут Несмин. — Ты — руль неба, ты — столп земли! Руль не упади, столп не покачнись! Не лги — ты велик, не будь колеблющимся — ты имеешь вес. Стрелка весов — твой язык, гиря — твое сердце, коромысло весов — твои губы!»

Голос Несмина давно уже потерял выразительность — видимо, мальчик не слишком вдумывается в смысл того, что он читает, и старается только правильно произносить слова.

Зато учитель, вроде фараона и Ренси, явно наслаждается речами бедняка. Он мерно покачивает головой, слегка похлопывая по ручке кресла ладонью, и все реже требует перевода той или иной фразы. Он только изредка морщится, когда Несмин делает неправильную паузу или не делает ее совсем.

Один за другим читают мальчики, а речи всё тянутся.

Четвертая, пятая...

В комнате нестерпимо душно, циновки жестки и неудобны — затекли поджатые ноги.

Шестая речь, седьмая...

Внезапно слышится легкий храп. Все невольно оглядываются, а учитель в гневе приподнимается. Это уснул толстяк Хеви. А его сосед Нефер и не думает его растолкать. Учитель бесшумно встает, подкрадывается к Хеви и внезапно сильно бьет его плеткой. Хеви дико вскрикивает и в страшном испуге, ничего не понимая, вскакивает на ноги и при этом наступают на рукопись, которая рвется под его ногой.

Град ударов сыплется на мальчика, он в ужасе кричит и только

пытается руками защитить лицо.

Сначала, услышав храп Хеви, мальчики заулыбались, но теперь они раздраженно и озлобленно смотрят на учителя.

— А, ты еще и рукопись разорвал! — свирепеет тот и, схватив Хеви за плечо и продолжая стегать его, тащит вон из комнаты.

Все напряженно молчат. И вдруг Сети замечает на лице Нефера гадкую улыбочку. Сети чувствует, что ему сразу становится жарко.

— Эй, Нефер! — громким шепотом зовет Сети.

И когда тот поворачивается, Сети поднимается на колени и, грозя ему кулаком, с яростью шепчет:

— Ты его не разбудил вовремя, змея, а теперь еще и хихикаешь! Ну погоди!

Улыбку Нефера заметил не один Сети, и к нему угрожающе тянутся кулаки Мехи, Ини, Пабеса и Несмина. Но входит учитель, и все смолкает.

«Ничего, — думает Сети, — пусть только кончится урок!»

Видимо, об этом же думают и другие мальчики, да и сам Нефер уже не улыбается, а испуганно моргает глазами и оглядывается по сторонам. Со двора все еще доносится плач Хеви.

— Продолжаем. Читай, Мехи! — говорит учитель, усаживаясь на место.

Мехи, рослый, сильный мальчик, годом старше Сети, с озорными темно-кариими глазами, начинает читать восьмую речь земледельца.

Сначала все идет хорошо. Мехи читает громко и выразительно, соблюдает паузы и правильно выговаривает слова. Затем вдруг он начинает читать все медленнее и медленнее и наконец совсем вяло, сквозь зубы, еле-еле цедит слова.

— Скорее! — нетерпеливо говорит учитель.

Мехи вежливо кланяется и начинает читать так быстро, что уже не только нет никаких пауз, но и слов-то разобрать невозможно.

— Куда ты несешься, как дикий осел! Читай с выражением! — сердится учитель.

Мехи с деланной покорностью склоняется в новом поклоне:

— Слушаю, господин, постараюсь с выражением!

И он начинает читать «с выражением». Но что это за чтение! Голос Мехи то поднимается до пронзительного писка, то опускается до дикого протяжного завывания. При этом он старательно подчеркивает совсем ненужные слова и скороговоркой бормочет важные фразы.

Опущенные на рукописи глаза мальчиков блестят от удовольствия и злорадно косятся на учителя, губы вздрагивают от сдерживаемого смеха.

Молодец Мехи, так и надо этому злюке!

Учитель приходит в ярость.

— Ты что, совсем безумец или ты позволяешь себе издеваться надо мной? — уже кричит он, привстав и взмахивая плетью.

— Как, господин? — с хорошо разыгранным недоумением спрашивает Мехи. — Я же исполняю твое приказание!

Учитель подбегает к нему и останавливается раздумывая. Пожалуй, действительно Мехи просто перестарался.

Учитель сердито пожимает плечами и раздраженно говорит:

— Как же ты до сих пор не можешь научиться читать по всем правилам? Сколько раз я тебе показывал, как надо читать, а ты все не можешь понять! Ведь тебя отдали в школу, где учатся дети знати, для того чтобы обучить необходимым знаниям. Ты должен это твердо помнить. Вот и трудись целый день, пиши, читай, спрашивай совета у того, кто знает больше тебя. И запомни, что я тебе скажу: ведь и львов укрощают, и лошадей объезжают, и соколу связывают крылья! Мы справимся и с тобой, не беспокойся! Помни: если ты будешь лениться, ты будешь бит! Ведь известно, что ухо мальчика — на его спине, и он слушает, когда его бьют.

Ох, как Сети ненавидит эту любимую поговорку учителя, которую тот повторяет каждый день! Да и вообще Сети и все мальчишки очень не любят наставлений учителя Шедсу. А кажется, он сейчас как раз собирается угостить их одним из таких поучений.

Действительно, учитель, переведя дух, продолжает с новой силой:

— Смотри, вот дети моложе тебя (его рука указывает на Нефера), а читают лучше! А почему это? Почему ты невнимателен к моим наставлениям? Потому что ты вообще не хочешь учиться. А разве я не объяснял тебе, зачем это надо? Чтобы быть писцом, ибо лучше этого ничего нет! Писец освобожден от всех повинностей, от всяких работ, от мотыги и кирки, от корзины и весла. Сделайся писцом — и ты не будешь подчинен многим начальникам, а сам станешь приказывать другим. Ведь должность писца — самая лучшая! Подумай-ка, ведь это писец назначает размеры податей, а потом получает их. Это писец исчисляет имущество каждого человека, чтобы обложить его налогами. Все ценности находятся под управлением писца. Хорошо живется писцу! Он всегда сыт и доволен. Сделайся писцом — и твои руки будут мягкими, ты будешь нарядно одет, тебя будут хвалить, к тебе обратятся с просьбами придворные. Вот для чего надо учиться — чтобы быть писцом!

— А я не хочу быть писцом, господин! — внезапно говорит Мехи и поднимается во весь рост. — Я хочу быть воином, как мой отец!

Все головы поворачиваются к Мехи. Мальчики явно одобряют его: правильно и смело сказал Мехи! Интересно, что ответит ему учитель? Только Пасер смотрит на Мехи, презрительно сощулив глаза, да Нефер и Сенеб, подражая Пасеру, тоже стараются изобразить на своем лице насмешку.

Учитель в первое мгновение точно каменеет от удивления и негодования, но затем быстро находит убедительные с его точки зрения доводы против желания Мехи.

— Ах, так ты думаешь, что воином лучше быть, чем писцом? — иронически спрашивает он. — Вот я сейчас покажу тебе, так ли это. Твой отец — великий военачальник, но таким становятся очень немногие, да и то не сразу. А у простого начальника воинов жизнь нелегкая. И ты сам почувствовал бы это, как только попал бы в казармы. Как получишь удар по животу, по глазу, по брови, будет у тебя вся голова сплошной раной, отстегают тебя терновником — тогда ты и узнаешь, какова воинская наука! А вот теперь я расскажу, как тебе придется бедствовать в походе, например в Сирии. Ты сам понесешь на себе хлеб и воду, как вьючный осел, а когда воды не хватит, то придется пить вонючую стоячую воду. Ты не будешь знать, уцелеешь ли ты, потому что там всюду бродят свирепые львы, а тут и враги прячутся по кустарникам и готовы напасть каждое мгновение. Вот и придется тебе идти и только взывать к богам: «Придите и спасите меня!» Нет, нет, гораздо лучше быть писцом, чем воином!

Но слова учителя не убеждают Мехи.

— Я не хочу быть писцом! — повторяет он, встряхивая головой и глядя блестящими глазами прямо в глаза учителю. — Я не боюсь того, что ждет меня, если я стану воином!.. Ты говоришь, господин, что в казарме меня будут бить, пока я не научусь всему, что должен знать воин. Так пусть лучше меня бьют там, чем здесь! Это раз. А потом — почему меня обязательно будут бить? Я и сейчас умею стрелять из лука, и метать копье, и править колесницей. Отец уже подарил мне и вооружение и коней. Я не боюсь ни львов, ни врагов — научусь справляться и с теми и с другими. Нет, господин, учиться я, конечно, буду, потому что так велел мне отец, а писцом не буду ни за что!

Учитель с удивлением слушает мальчика. Так никто никогда еще не осмеливался говорить с ним! Что же делать? Наказать? Но ведь, в сущности, Мехи его не оскорбил. А отец Мехи — главный начальник войск фараона. Что-то еще он скажет, если его сына побьют только за то, что мальчик хочет быть воином! Пожалуй, лучше уступить.

И учитель говорит, внешне сохраняя всю свою важность и еще выше

поднимая голову:

— Тебе еще рано выбирать, кем ты будешь, когда вырастешь. Это за тебя решит твой отец. А сейчас ты должен только учиться! Я доволен, что ты это все-таки понимаешь... А теперь — закончим чтение. Читай, Яхмес!

Яхмес быстро читает девятую, последнюю речь земледельца, в конце которой измученный бедняк говорит Ренси:

— «Вот я жалею тебе, но ты не слушаешь, и я пойду и буду жаловаться на тебя богу Анубису!»

Яхмес читает далее, что Ренси наконец смиростивился и приказывает сообщить бедняку, что его речи, записанные писцами, прочли фараону. Фараон приказал Ренси рассудить бедняка с Тотнахтом.

Ренси вынес приговор: отобрать у Тотнахта его имущество, дом, скот и отдать все это бедняку.

Все бедствия окончены, мальчики рады этому не меньше самого земледельца. Они с облегчением выпрямляются и осторожно свертывают рукописи.

— Вот вы прочитали сегодня прекрасный рассказ, — говорит учитель. — Это очень полезное чтение, ибо оно должно помочь вам научиться красиво говорить, а это совершенно необходимо. Ведь недаром говорится, что речь сильнее, чем оружие... Помните: уста человека спасают его! А поэтому вы должны изучать прекрасно составленные речи и учиться им подражать. Вот и «Речи красноречивого земледельца» вам придется изучить очень внимательно. Для начала я вам даю такое задание: подумайте о том, что мы читали, посмотрите рукопись и выберите такие отрывки, которые вам покажутся наиболее подходящими для короткого приветствия. В такой речи вы должны постараться рассказать о всех главных качествах того человека, к которому вы обращаетесь с речью. Я думаю, что у красноречивого земледельца вы найдете столько прекрасных образцов, что вы легко справитесь с моим заданием.

Мальчики покорно снова разворачивают рукописи и углубляются в чтение. Кое-где слышится шепот, советы, споры.

Чаще всего шепот доносится из того угла, где сидят Мехи и его сосед и приятель Пабес. Иногда оттуда слышится даже как будто легкий смешок, сразу же заглушаемый кашлем.

Проходит полчаса.

Внезапно Пабес встает. В противоположность Мехи, он невысок, но так же ловок и смел. Он самый отчаянный шалун из всех мальчиков, всегда готовый на неожиданные и дерзкие выдумки. Сейчас он как раз в таком настроении, когда от него можно ожидать чего угодно. С одной стороны, он

все еще зол на учителя за Хеви, а с другой — его подзадоривает успех шалости Мехи.

— Я приготовил приветствие, господин! — говорит Пабес и слегка кланяется.

— Вот как? — Учитель немного удивлен. — Ну, послушаем. — И он облакачивается на ручку кресла, подпирает голову рукой, готовясь внимательно слушать.

Пабес низко кланяется учителю, как бы обращаясь со своей речью именно к нему, и начинает читать громким голосом, отчетливо произнося слова:

— «О начальник, господин мой, великий из великих! Сделай, чтобы я превознес имя твое в этой стране! Я говорю, чтобы ты услышал. Сотвори же истину!»

Учитель слушает. Пока все, кажется, хорошо. Но вот Пабес, глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, продолжает:

— «Но посмотри, ведь у тебя плохо с истиной, она изгнана со своего места! Посмотри, ты хоть и силен, и крепок, и могуч, но ты жаден. Как плачет несчастный, которого ты обидел! Ты подобен послу крокодила!»

Учитель так поражен, что даже нагибается вперед. Нет, он не ослышался, это не похвалы, а, скорее, брань. Почему же, однако, Пабес из всех речей выбрал для приветствия самое неподходящее место — то, где бедняк в отчаянии укоряет Ренси в несправедливости и осыпает его упреками?

Зато Сети, Ини и другие мальчики уже поняли, в чем дело, и находят, что Пабес как раз выбрал то, что нужно. Ведь он явно обращается к учителю, а у учителя-то с истиной дело обстоит неважно — он несправедлив, из-за него постоянно плачут обиженные ученики, вот как сегодня Хеви. Да, он действительно подобен послу крокодила!

Речи земледельца, казавшиеся недавно мальчикам такими скучными, внезапно получают смысл и интерес.

А Пабес продолжает все громче и громче:

— «Ты ученый, ты воспитан, ты образован, но ведь не для злодеяний! Помни, что нет друга у человека, глухого к истине, нет радостного дня у жадного. Но ты не слушаешь, и я пойду и буду жаловаться на тебя богу Анубису!»

Пабес кончает и снова отвечает поклон учителю. Но теперь уже и тот понимает, почему Пабес выбрал именно эти отрывки для своего «приветствия».

Лицо учителя сразу же становится страшным, глаза наливаются

кровью. Он сжимает кулаки, встает и направляется к Пабесу.

Мальчики замирают. Но как раз в эту минуту открывается дверь, и на пороге показывается молодой человек, одетый так же, как и учитель, высокий, с открытым, приятным лицом и приветливым взглядом. Это помощник учителя, молодой писец Аменхотеп. Он быстро подходит к учителю и говорит:

— За тобой прибыл гонец из храма Птаха, господин. Верховный жрец храма желает немедленно видеть тебя по важному делу.

Учитель Шедсу останавливается и несколько мгновений стоит молча, затем он хлопает в ладоши и кричит:

— Эй, рабы!.. Возьмите его! — указывает он двум вбежавшим рослым нубийцам на Пабеса. — Свяжите его и запирайте в подвал, а ключ принесите мне сюда. Да приготовьте плетень из гиппопотамовой кожи... Мы с тобой поговорим после! — угрожающе кричит он Пабесу, которого уносят нубийцы и который тем не менее бесстрашно улыбается. — Позови ко мне почтенного Миннахта, Аменхотеп! — приказывает учитель.

Аменхотеп безмолвно уходит и вскоре возвращается вместе с низеньким, очень толстым пожилым человеком. Это Миннахт, учитель младших мальчиков. Вслед за ними входит и один из нубийцев, который с низким поклоном передает учителю длинный массивный бронзовый ключ с четырьмя зубцами.

— Вот, почтенный Миннахт, — обращается учитель к Миннахту, протягивая ему ключ, — возьми этот ключ от подвала и никому не отдавай до моего возвращения. Там заперт этот негодяй Пабес, с которым я сегодня же рассчитаюсь за его неслыханную дерзость. А ты, Аменхотеп, проведешь после перерыва вместо меня урок письма. Рукописи возьми из этого ящика.

— Будет исполнено, — отвечает Миннахт, беря ключ.

— Слушаю, господин, — склоняет голову Аменхотеп и затем спрашивает: — Кому разрешишь писать на папирусе?

— Как всегда, Яхмесу и Неферу. — Учитель оглядывает мальчиков. — А кроме того, дай сегодня попробовать Сети и Минмесу.

Яркий румянец заливает щеки Сети.

— А мне, господин? — вскакивает Ини.

— Еще рано. Вчера ты опять плохо написал! — строго говорит учитель.

Ини грустно опускается на циновку.

— Ничего, Миу-бин, не горюй! — шепчет Сети. — Я тебе помогу сегодня, и тогда завтра он позволит и тебе попробовать писать на папирусе.

Старшие учителя направляются к двери. Но им преграждает дорогу Пасер. Слегка наклонив голову, он обращается к Шедсу:

— Разреши мне уйти домой, господин. Я совсем болен.

Шедсу молча кивает ему на ходу и выходит из комнаты в сопровождении Миннахта. Аменхотеп остается с мальчиками и весело обращается к ним:

— Ну, соколята, все во двор — есть, отдыхать, бегать, а потом снова за дело!

И мальчики, толпясь и толкаясь, выбегают из комнаты.

Глава IV

СУДЬБА ПАБЕСА. — ПЕРВЫЙ ПАПИРУС

Двор школы большой и вместительный, гораздо больше двора у дома Сети. Вообще-то вокруг здания школы имеется целых три двора: два с хозяйственными постройками, куда детям запрещено ходить, а этот, третий, отведен специально для них.

С каждой стороны двора устроены навесы, которые поддерживаются легкими деревянными подпорками. Под этими навесами, спасаясь от жарких лучей солнца, мальчики обычно и отдыхают между уроками.

Вот и сейчас они бегут прямо сюда и сразу же бросаются к большому глиняному сосуду с водой. Происходит короткая схватка за право первым напиться. Яхмес быстро наводит порядок и начинает по очереди наливать воду — кому в глиняную чашку, кому прямо в подставленные под струю ладони.

Под левым навесом отдыхают малыши; они кончили учиться раньше, успели уже поесть и теперь весело играют в кости или камешки, пробуют бороться, возятся, визжат.

Недалеко от них останавливается Сети. Ему удалось достать воды одним из первых, и теперь он спокойно жует свои лепешки.

Все его мысли заняты двумя событиями. Их ни в коем случае нельзя оставить без последствий. Это предательский поступок Нефера и история с Пабесом.

Нефера, конечно, необходимо поколотить, но это можно отложить до вечера, тем более что, предчувствуя недоброе, этот трус не отходит от Аменхотепа. Ну и пусть. Сейчас главное — это Пабес, запертый в подвале и ожидающий тяжелого наказания.

Где же Мехи и Ини? Ага, вот Мехи! Он уже напился и, утирая рот смуглой рукой, тоже оглядывается вокруг. Взгляды мальчиков встречаются. Они без слов понимают друг друга и бегут в самый дальний угол двора. Сети хватает Ини за руку и увлекает за собой.

— Что будем делать? — спрашивает Мехи.

Всем ясно, о чем идет речь. И они начинают совещаться.

Совершенно очевидно, что Пабеса надо выручать немедленно, пока не вернулся учитель, иначе будет очень плохо. Бежать к Пабесу домой нет

никакого смысла — у него нет ни отца, ни матери. Его отец, знаменитый архитектор Нана, погиб во время экспедиции в далекую Нубию^[4], куда он был послан фараоном, чтобы привезти хороший камень для постройки нового храма. Мать Пабеса умерла еще раньше. Теперь он живет у дяди, судьи Небамона, очень строгого, сухого человека, к тому же близкого друга учителя Шедсу. Ждать, чтобы дядя защитил Пабеса от гнева учителя, не приходится, а гнев этот накапливается уже давно.

Пабес очень горячий, но честный и прямой. Он не выносит несправедливости, не задумываясь готов подраться с любым мальчиком, если ему покажется, что тот обижает слабого, борется не по правилам, отнимает у маленьких еду или игрушки. Учится Пабес очень неровно. Ему легко дается математика, он может хорошо читать и красиво писать, но часто и то и другое делает плохо. Его душит скука и однообразие уроков Шедсу, который заставляет мальчиков постоянно читать и списывать малопонятные поучения, гимны богам и фараонам.

Эти тексты, повторяющиеся изо дня в день, нисколько не интересуют способного, живого мальчика, и он, вместо того чтобы слушать, задумывается, начинает потихоньку рисовать какие-то здания или красивые узоры из цветов лотоса, виноградных гроздьев, пальмовых листьев. Его постоянно наказывают, а он шалит все злее, все отчаяннее. В нем все растет ненависть к несправедливому учителю и к своему дяде, который его постоянно бьет. Плохо Пабесу в школе, плохо и дома, и он отводит душу только с Мехи да еще со старым умным писцом Ани, который иногда приходит в школу беседовать и заниматься с мальчиками.

Все это хорошо знают Мехи, Сети и Ини, и поэтому судьба Пабеса их особенно волнует.

— Что же делать, Мехи, что делать? — шепчет Сети. — Я ничего не могу придумать. Ведь чтобы освободить Пабеса, надо достать ключ, а утащить его у старого Миннахта невозможно — он не выпускает ключа из рук.

Мехи молчит. Молчит и Ини.

Неожиданно к ним подходит Яхмес и присаживается рядом, поджав ноги. Мальчики настороженно смотрят на него.

— Вот что, друзья, — тихо говорит Яхмес. — Надо выручать Пабеса. Не удивляйтесь, что я к вам пришел, и верьте мне. Дело очень плохо. Когда Шедсу гневается так, как сегодня, то... — Яхмес умолкает.

— Мы и сами понимаем, — отвечает Мехи, — но как же вытащить Пабеса?

— Ты лучше мне скажи, куда ему деваться, если нам удастся это

сделать? — спрашивает Яхмес. — Ведь к дяде ему нельзя идти — тот его отдаст Шедсу.

— Ну если он будет свободен, то я уж знаю, что делать! — шепчет Мехи. — У Пабеса есть старший брат, Аменеминт. Он сейчас руководит постройкой нового дворца в Меннефере^[5] — он тоже архитектор. А сегодня возничий моего отца, Сеннеджем, как раз едет в Меннефер за новыми лошадьми. Я бы его упросил взять Пабеса с собой и отвезти к брату!

— А он это сделает? — с сомнением спросил Яхмес.

— Конечно, сделает! — уверенно отвечает Мехи. — Он меня очень любит.

— Ну, тогда все хорошо! — Яхмес облегченно вздыхает. — А Пабеса мы сейчас освободим. Дело вот в чем: рядом с тем подвалом, где его заперли, есть другой, в котором лежат старые глиняные сосуды и инструменты. Меня как-то туда посылал учитель за черепками для упражнений. Подвалы разделены только глинобитной стеной. Нам надо незаметно спуститься в дальний подвал, проломать дырку в стене и вытащить Пабеса!

— Вот это здорово! — чуть не кричит Ини.

Но Мехи вовремя зажимает ему рот.

— Идем скорее! — шепчет Сети и порывается бежать.

— Стой! — останавливает его Яхмес. — Мы пойдем втроем — ты, Мехи и я. А Ини должен остаться здесь и устроить такой шум на дворе, чтобы учителя были заняты и не хватились бы нас, да и не услышали бы стука, когда мы будем ломать стенку.

— Будет шум, не беспокойся! — говорит Ини.

Он думает минутку и затем мчится по двору к навесу малышей. По дороге он бросает горсть камешков в группу своих сверстников. Те, не разобрав, откуда полетели камни, немедленно начинают ссору, а Ини тем временем подбегает к малышам и весело спрашивает их:

— Ну-ка, кто вы такие — трусливые гиены или храбрые львы?

— Львы, львы! — кричат малыши, еще не понимая, чего от них хочет Ини, но уже гордясь тем, что он заговорил с ними.

— Ну, а если львы, так все бегом за мной на охоту!

Ини поворачивается, бежит к лесенке, которая ведет на плоскую кровлю, и быстро лезет вверх. За ним с радостными криками и визгом несутся малыши и также карабкаются на кровлю. А Ини уже наверху и, размахивая руками, вспугивает большую стаю голубей.

Малыши усердно помогают ему, и по всему двору поднимается

невообразимый шум от хлопанья крыльев взлетающих в небо птиц и веселых возгласов детей.

Встревоженные учителя спешат к лестнице; туда же устремляется взгляд нубийца-раба.

А внизу ссора сверстников Ини переходит в драку, и крики дерущихся смешиваются с общим переполохом.

Да, Ини сдержал слово: шум большой!

Сам Ини все время не спускает глаз с того конца двора, где скрылись трое его товарищей, и, продолжая возиться с малышами, с волнением ждет, скоро ли появится Сети или Яхмес. Скорее бы, а то Аменхотеп уже поднялся на кровлю и начинает унимать малышей и спускать их вниз. Хорошо еще, что лестница одна, а Аменхотеп осторожен и не слишком торопит мальчиков.

Наконец Ини видит Яхмеса и Сети, которые незаметно прошмыгнули из-за угла двора и уже стоят под одним из навесов. Ини молниеносно спускается на руках по одной из деревянных подпорок и бежит к ним.

— Ну что?

— Все в порядке! — говорит, улыбаясь, Сети. — Они оба уже перелезли через стену и бегут к дому Мехи.

— Правда?

— Спроси Яхмеса!

Яхмес молча кивает головой, и его глаза ярко блестят.

— Ну и шум же ты устроил, Миу-бин, вот молодец! — одобрительно говорит Сети, похлопывая Ини по плечу.

— Да уж я постарался как мог, — скромно отвечает довольный Ини.

Между тем учителям постепенно удастся навести порядок, и они уводят учеников в дом. Яхмес, Сети и Ини незаметно вместе с товарищами занимают свои места на циновках.

В кресло учителя садится теперь Аменхотеп. Он раскрывает ящик с рукописями, вызывает Яхмеса и с его помощью раздает ученикам свитки.

В это время в комнату бесшумно проскальзывает совершенно запыхавшийся Мехи. К счастью, все ученики заняты раздачей свитков, а учитель стоит спиной к двери, и Мехи успевает сесть, не замеченный никем, кроме Яхмеса. Он старается отдышаться и в то же время ловит взгляд Сети. Наконец это ему удастся. Он улыбается и кивает. Сети понимает, что всё в порядке, и шепчет об этом Ини. Им очень хочется узнать подробности, но сейчас это совершенно невозможно. Аменхотеп уже кончает раздачу рукописей и говорит:

— Приготовьте ваши письменные приборы, мальчики. Яхмес, открой

второй ящик и раздай папирусы и черепки, как приказал учитель Шедсу.

Яхмес отбирает куски папируса для Нефера, Сети и Минмеса, оставляет один на своем месте, а остальным мальчикам раздает большие черепки от разбитых глиняных сосудов.

Сети, получая из рук Яхмеса свой папирус, успевает шепнуть:

— Мехи вернулся, все хорошо!

— Я его видел, — также шепчет Яхмес и, передав Ини большой глиняный черепок, идет дальше.

Сети с интересом и волнением осматривает свой первый папирус. Это сравнительно небольшой кусок папируса, но почему-то не очень чистый, с какими-то сероватыми полосами. Сети всматривается и понимает, в чем дело: на этом папирусе уже что-то было написано раньше, но потом запись смыли, для того чтобы можно было использовать папирус еще раз. Если всмотреться, то в одном месте видны даже два знака из прежнего текста.

Сети знает, почему так сделано: папирус — очень дорогой материал, и поэтому обычно учеников сначала долго учат писать на глиняных черепках или на гладких кусках белого известняка, а потом, когда им разрешают писать на папирусе, то дают не новые свитки, а уже использованные с одной стороны или вот такие смытые. Да и взрослые писцы, списывая для себя какое-нибудь литературное произведение, часто пользуются обратной стороной ненужных документов. Сети не раз видел, как отец и Нахт склеивали вместе старые письма, расписки, счетные записи и на обратной, чистой стороне полученного свитка писали понравившиеся им повести, стихи и сказки.

Понятно, что и Сети, который сегодня первый раз будет писать на папирусе, дали старый, смытый кусок. Но Сети вполне доволен своим папирусом. Осторожно положив его на циновку, мальчик начинает разводить водой краски в углублениях своего письменного прибора — красную охру для заголовков и черную сажу для основного текста.

Так, все готово. Теперь надо посмотреть, что же ему придется переписывать. Сети разворачивает свиток, который дал ему Аменхотеп, и видит красиво написанные четким, разборчивым почерком строки.

Два первых слова написаны красным, потом идут черные строки, кое-где прерываемые красными.

Сети вспоминает, что учитель всегда велит, прежде чем начинать списывать рукопись, внимательно ее прочесть, и он начинает читать:

«Сказал дружинник верный: „Пусть успокоится твое сердце, мой князь! Вот мы достигли родины. Воздают хвалы, благодарят бога, все люди обнимают друг друга. Наш отряд пришел целым, нет убыли в нашем

войске. Вот мы пришли в мире и достигли нашей страны“ [6].

Сети очень заинтересован началом текста, ему хочется поскорее узнать, что будет дальше. Он разворачивает свиток и, пропуская часть рукописи, читает наудачу:

«Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого. Я был выброшен морской волной на остров. Я провел на нем три дня в одиночестве, и только мое сердце было моим товарищем. Я заснул под сенью дерева».

Сети увлечен необычайными приключениями еще неизвестного ему героя и хочет читать дальше, хотя ему следовало бы прочесть только первые строчки, которые надо списывать. И действительно, ему не удастся это сделать, так как к нему незаметно подходит Аменхотеп и, наклоняясь, тихо спрашивает:

— Ну, как дела?

Сети смущенно смотрит на молодого учителя и осторожно скатывает свиток обратно, оставляя открытым только начало рукописи.

Аменхотеп прекрасно видел, что Сети не вовремя зачитался, поэтому он и подошел к нему. Если бы урок вел Шедсу, Сети не миновать бы плетки, но Аменхотеп иначе обращается с мальчиками. Он не кричит на них, не бьет их, и тем не менее (а вернее — именно поэтому) на его уроках мальчики успевают обычно сделать гораздо больше и лучше, чем на уроках Шедсу.

— Ну-ка, начинай писать, да не торопись, пиши спокойно, — говорит Аменхотеп, похлопав Сети по плечу, и наклоняется к Ини.

Тот уже старательно выводит первую строчку на глиняном черепке. Хороший черепок дал ему сегодня Яхмес, большой и гладкий, на нем легко писать. А Ини очень хочет выполнить задание как можно лучше, чтобы завтра получить папирус. Мальчик внимательно прочел начало текста и уже заранее заметил трудные знаки. Он решил просить Сети помочь написать их.

А текст у Ини попался тоже очень интересный — про фараона Камеса, который правил Египтом около пятисот лет назад. Плохо было тогда в Египте — почти полтораста лет им уже владели чужеземцы, кочевники-гиксосы. И вот в рукописи, которую начал списывать Ини, как раз и рассказывалось о том, как египтяне начали борьбу за освобождение своей страны.

В комнате воцаряется тишина. Мальчики старательно пишут. Аменхотеп тихо ходит по рядам, наклоняется то к одному, то к другому ученику, поправляет почерк, иногда сам четко и красиво выписывает на

полях ошибочно или неуверенно написанные мальчиками знаки. Сети тоже пишет.

Он знает, что ему, как и всем другим мальчикам, надо списать одну страницу текста, то есть один столбец строчек. Это нелегко, но мальчикам надо стараться писать лучше и больше, потому что в высшей школе придется писать уже по целых три страницы в течение одного урока.

Сначала Сети отмечает дату урока и после этого начинает медленно и аккуратно списывать рукопись.

Сегодня необходимо писать как можно лучше, чтобы доказать, что ему не зря доверили папирус.

Опытный писец пишет ровно, строчки у него получаются прямые, знаки остаются одинакового размера от начала до конца. А вот Сети обычно начинает писать крупно, а дальше пишет все мельче и мельче, да и строчки почему-то начинают наползать одна на другую, и поэтому конец заданного урока у Сети всегда бывает написан гораздо хуже начала. Сегодня он особенно старается.

Так же пишет и Минмес, он тоже сегодня получил папирус. Ему досталась хорошо знакомая рукопись — «Поучение мудреца Ахтоя, сына Дуау, своему сыну Пепи».

Это поучение написано почти за тысячу лет до того, как родились Минмес и Сети, и вот с тех пор все мальчики во всех египетских школах читают его, переписывают и учат наизусть. В нем говорится, как хорошо и выгодно быть писцом, а чтобы убедить в этом учеников, сравнивается положение писца с тяжелым трудом земледельцев, рыбаков, различных ремесленников — ткачей, сандальщиков, каменотесов^[7]. Хотя таково же было содержание и многих других поучений, которые заучивали мальчики, но «Поучение Ахтоя» считалось лучшим, а поэтому и обязательным для заучивания.

На папирусе Минмеса уже четко написано заглавие рукописи — «Начало поучений, сделанных человеком по имени Ахтой, сын Дуау, его сыну по имени Пепи, когда он плыл на юг к столице, чтобы отдать его в школу».

Теперь Минмес пишет дальше: «Обрати же твое сердце к книгам... Смотри, нет ничего выше книг!»

Аменхотеп заглядывает через плечо Минмеса, потом подходит к Неферу, недолго смотрит, как тот переписывает «Повесть о Синухете», и, убедившись, что здесь все идет хорошо, наклоняется к Хеви. Вот здесь совсем неблагополучно!

Хеви, как и Минмес, переписывает «Поучение Ахтоя», но оба

мальчика пишут совсем по-разному. Строчки на черепке Минмеса аккуратные, у Хеви же знаки получаются то жирными, то тонкими, как-то растекаются и сливаются один с другим. Толстые пальцы Хеви плохо справляются с палочкой, он набирает слишком много краски и часто делает кляксы. Его руки и даже лицо покрыты черными пятнами.

Аменхотеп посылает его умыться, затем дает ему другой черепок, заставляет взять новую палочку и терпеливо учит, как надо писать, чтобы добиться хорошего почерка. И Хеви удается написать две более или менее сносные строчки.

Теперь внимание Аменхотепа привлекает недовольное лицо Мехи. У него явно что-то не ладится, и молодой учитель спешит на помощь.

Глава V

СТИХИ И СКАЗКИ

В руках у Мехи большой черепок, на котором уже довольно много написано, и написано неплохо, хотя некоторые слова и следовало бы написать лучше, как это понимает и сам Мехи. Но все-таки основная трудность урока для него не в переписке, а в особом задании, которое дал ему Аменхотеп.

Дело в том, что Мехи переписывает стихи «Гимн Нилу», а по правилам египетского письма каждый стих полагается отделять от другого красной точкой. В рукописи же, с которой списывает Мехи, этих точек нет, и учитель велел ему, чтобы, списывая «Гимн», он сам расставил точки. Тогда будет видно, где кончается каждая строка «Гимна», а значит, и вообще, понимает ли Мехи, как надо читать стихи.

Аменхотеп не случайно выбрал такое упражнение именно для Мехи. Он знает, что мальчик не любит поэзию и считает стихи делом, не стоящим внимания будущего воина. Молодой учитель хотел добиться не только того, чтобы Мехи добросовестно, хоть и механически, заучивал задаваемые ему поэтические произведения. Этого было бы нетрудно достигнуть и вполне удовлетворило бы учителя Шедсу. Аменхотеп же считал, что гораздо важнее научить Мехи понимать и ценить красоту стихов.

«Удастся ли мне это сделать?» — думает Аменхотеп, подходя к Мехи.

— О чем ты задумался? — спрашивает он мальчика.

— Я не могу расставить точки, господин, — отвечает Мехи.

— Значит, ты не можешь понять, как надо читать этот «Гимн»? — уточняет Аменхотеп.

— Да, я не понимаю, и мне вообще бы не пришло в голову, что это стихи, если бы я не знал этого заранее. — В голосе Мехи слышится сдерживаемое раздражение от бесцельного с его точки зрения занятия.

Аменхотеп присаживается на циновку рядом с мальчиком, берет у него черепок и задумывается.

— Скажи, Мехи, ты любишь военные песни? — неожиданно спрашивает он.

— О да, господин, очень! — Мехи удивлен вопросом и с интересом поднимает глаза на молодого учителя.

— И, наверно, сам поешь их? — следует новый вопрос.

Мехи утвердительно кивает головой.

— А «Песнь о битве при Кадеше» ты знаешь?

— Нет, господин... — Мехи смущен. — Она есть у отца, он заказывал писцу Пентауру для себя список этой «Песни», но Пентаур принес рукопись, когда я уезжал к деду. А когда я вернулся, то, по правде сказать, забыл о ней.

— Но ты все-таки, вероятно, помнишь, о чем говорится в этой «Песне»?

— Да, помню: о великой битве египтян с хеттами у города Кадеша и о победе нашего войска. В этой битве сражался мой дед, и мой отец, и братья отца. У отца хранится хеттское оружие, которое он захватил в этой битве. А фараон наградил отца золотом храбрости!

— Должно быть, «Песнь о битве при Кадеше» нравится твоему отцу, если он захотел иметь ее у себя? — спрашивает Аменхотеп.

— Да, отец очень хвалил ее, — отвечает Мехи.

— Тебе непременно надо прочесть эту «Песнь», Мехи. Вот послушай, как там говорится про начало битвы:

Появился царь, как отец его Монту^[8],
Взял он оружие свое боевое,
Возложил на себя он панцирь свой,
Он подобен Ваалу^[9] в час его,
Помчался царь и вонзился в хеттов...

Аменхотеп читает сначала тихо, потом все громче, сам увлекаясь поэмой о победе.

Мальчики невольно перестают писать и начинают слушать.

А битва уже разгорается, и фараону, неосторожно вырвавшемуся вперед с небольшим отрядом, грозит серьезная опасность.

Хорошо читает молодой учитель! Мехи не спускает с него горящих глаз. Мальчик мысленно сам сражается с хеттами и вместе с египетскими войсками терпит сначала неудачу, а затем торжествует победу.

Об этой победе в поэме рассказывается от лица самого фараона Рамсеса.

— «Что желал сотворить я, все стало свершаться», — читает Аменхотеп слова фараона.

Сердца их упали в телах их от страха,

Руки их все ослабели...
Опрокинул я их в воду, подобно крокодилам,
Упали они, и я убил кого хотел.
Ни один не взглянул, никто не обернулся,
Кто упал среди них, не поднялся он вновь!

Аменхотеп умолкает и, взглянув на Мехи, видит, насколько тот увлечен.

— Что, хорошие стихи, Мехи? — спрашивает Аменхотеп.

— Чудесные! — с восторгом отвечает мальчик.

— Значит, есть хорошие стихи, которые и тебе нравятся?

Мехи растерянно смотрит на учителя. Как, это — стихи? Верно, стихи.

А Аменхотеп не дает ему опомниться и начинает читать отдельные отрывки из других победных гимнов, выбирая такие строки, которые отличаются яркостью образов и четкостью стиха и в то же время достаточно просты и понятны, чтобы заинтересовать Мехи. Учитель тут же разбирает отдельные стихи, подчеркивает их параллельное построение.

— Вот слушай, это сказано про очень сильного полководца, у которого огромный лук:

Нет того, кто пустил бы его стрелу,
Нет того, кто натянул бы его лук...

Аменхотеп обращает внимание мальчика на меткие сравнения:

— Обрати внимание, Мехи, как ярко можно представить себе битву, воинов, полководцев, если о воинах говорится, что они были «подобны львам» или что они были «храбры, как быки», что их было так много, «как песку на берегу», что полководец вел войска «подобно громковою буре на море, волны которой затопляют все», что кони его были «быстрее ветра», что после битвы враги лежали «распластанными, как рыба для сушки».

От победных гимнов молодой учитель незаметно переходит к произведениям, воспевающим природу Египта, его прославленные города.

— Ты когда-нибудь видел, как красиво восходит солнце? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа, продолжает: — А вот как об этом сказано в одном прекрасном гимне:

Небо — золото, океан — лазурит,
А земля усыпана малахитом...

А в другом стихотворении очень хорошо говорится, что у дерева сикоморы

Листья точно малахит,
И ее плоды краснее яшмы.

Аменхотеп с удовлетворением замечает, что Мехи слушает его все так же внимательно.

— Ну, а теперь давай прочитаем вместе восхваление Нилу, — говорит молодой учитель.

Он берет лежащую рядом с Мехи рукопись и так же певуче читает:

Слава тебе, Нил, выходящий из земли
И идущий оживить Египет! [\[10\]](#)

Аменхотеп читает о великом потоке-кормильце, приносящем на поля Египта драгоценную влагу, а значит, и хлеб и всяческое изобилие.

Все дает Нил. Он — «владыка рыб, приводящий водяных птиц», он — «приносящий хлебы, обильный пищей, творящий все прекрасное».

Его запоздалый или низкий разлив грозит Египту голодом, зато высокий разлив приносит счастье и радость.

Мехи следит глазами за строчками, которые читает Аменхотеп. Странно, теперь он не только ясно понимает, что это стихи, но и чувствует их красоту.

— «Процветай же, процветай же, о Нил, процветай же!» — заканчивает Аменхотеп и смотрит на Мехи, протягивая ему рукопись.

Мальчик отвечает ему открытым, благодарным взглядом, потом берет свой черепок и говорит:

— Я теперь сумею поставить точки, господин! Спасибо!

— Очень рад, мой мальчик, — ласково отвечает учитель.

Он легко поднимается с циновки и обращается к притихшим ученикам:

— Ну, вы тоже слушали стихи. Это хорошо. Ведь не один Мехи путает

точки, многие из вас также ошибаются. Надо самим читать побольше стихов, тогда все пойдет хорошо. А теперь пишите дальше!

Головы снова склоняются, палочки обмакиваются в краску и начинают скользить по черепкам и папирусам.

Аменхотеп продолжает свой обход.

Проходит полчаса упорной работы.

Сети старательно пишет. Он уже дописывает страницу, когда к нему подходит учитель.

— Хорошо, Сети, — говорит он. — Очень хорошо! Будешь и дальше писать на папирусе.

Сети улыбается. Он страшно рад, что выдержал испытание. И решается обратиться к учителю с просьбой:

— Нельзя ли мне завтра продолжать списывать ту же рукопись? — Сети торопится объяснить: — Мне очень понравилась эта сказка, и я хотел бы списать ее до конца.

— Хорошо, Сети, — говорит Аменхотеп, — ты получишь эту рукопись. А теперь кончай страницу и можешь почитать сказку.

Мальчик благодарит и, дописав два последних слова, откладывает свой папирус и письменный прибор, разворачивает свиток со сказкой и углубляется в чтение.

Сети вообще очень любит сказки. У его отца есть несколько свитков со сказками. Сети их все читал, и даже не один раз. Там есть очень интересные — например, сказка о царевице, которому при рождении было предсказано умереть или от змеи, или от крокодила, или от собаки, а он спасся от всех этих опасностей. Очень интересна и сказка «О двух братьях», где говорится о жизни и приключениях двух братьев по имени Анупу и Бата. Сердце Баты было спрятано на вершине дерева. Пока это дерево не было срублено, Бата оставался жив. Но вот однажды дерево срубили, и Бата умирает. Но потом его брат Анупу нашел сердце Баты, и Бата снова ожил.

Особенно любит Сети большую рукопись, где записан ряд сказок про знаменитого фараона Хуфу, который приказал построить себе самую большую пирамиду. Однажды стало скучно фараону, говорится в сказке, и вот, чтобы его развеселить, его сыновья один за другим рассказывают интересные истории: первый царевич рассказал про мудреца, который, сделав из воска крокодила, превратил его в настоящего зверя; второй царевич — про другого мудреца, который достал со дна озера упавшее украшение одной красавицы. Для этого он сложил воды озера пополам, поставив одну половину на другую, а потом снова сровнял их; третий же

царевич вместо сказки привел к фараону мудреца Деди, которому было сто десять лет и который проделал перед фараоном разные волшебные фокусы^[11].

Но сказка, которую сегодня начал переписывать Сети, пожалуй, еще интереснее. Сети с увлечением читает, как, возвращаясь в Египет из похода в Нубию, старый дружинник рассказывает начальнику о своих прежних приключениях. Однажды он был послан фараоном по важному делу, потерпел кораблекрушение и был выброшен волной на чудесный необитаемый остров...

Пока Сети читает, Аменхотеп проверяет то, что написал Ини.

— Хорошо, — говорит он, отдавая мальчику черепок. — Я думаю, что завтра ты тоже получишь папирус.

Лицо Ини сияет от радости. Правда, три слова ему написал Сети, но зато все остальное он писал сам — и вот заслужил похвалу учителя!

— А тебе, Ини, нравится то, что ты списывал? — спрашивает Аменхотеп.

— Очень! Это гораздо интереснее, чем всякие поучения, — откровенно говорит мальчик.

Аменхотеп, чуть улыбаясь, делает вид, что он не слышал конца ответа, и говорит:

— Да, это рассказ о славной борьбе и победе нашего народа, и каждый из вас должен хорошо знать, как дрались наши предки за свою страну. Кстати, кто из вас знает, какой город был последним оплотом гиксосов, взяв который египтяне одержали решающую победу?

— Я знаю! — первым вскакивает Мехи. — Это наш город, где мы живем, только он назывался тогда иначе: не Дом Рамсеса, а Хетуарет.

— Правильно, — подтверждает учитель. — Наш город ведь находится очень близко от границы, вот почему, когда гиксосы вторглись в Египет, они устроили именно здесь свою столицу. И здесь же они дольше всего держались, когда началась война за освобождение страны от их ига. Когда я два года назад ездил на юг, в город Нехеб, я видел там в скалах замечательную гробницу одного местного жителя, Яхмеса. Он был начальником гребцов царской ладьи во время войны с гиксосами и участвовал в штурме Хетуарета. На стене этой гробницы есть описание жизни храброго Яхмеса. Там рассказывается и об этой битве. Я списал надпись, и если вы хотите, мальчики, я принесу и прочту вам.

— Хотим, очень хотим! Прочти ее нам, господин! — хором отзываются дети.

— Хорошо, — говорит Аменхотеп. — Ну, кажется, пора кончать урок.

Посмотри, Яхмес, на часы во дворе.

Яхмес выбегает во двор, смотрит на солнечные часы и, возвратившись, подтверждает, что время урока истекло.

— Собирай рукописи, Яхмес, — говорит Аменхотеп. — А вы, мальчики, отдайте мне свои черепки и папирусы, уберите письменные принадлежности и можете идти обедать.

Глава VI

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЗВЕЗДЫ

Палящая жара охватывает мальчиков, едва они выходят во двор. После комнаты с ее небольшими окнами особенно слепящими кажутся раскаленные белые плиты двора, белые стены дома, голубое небо без единого облачка.

Сети, Ини и Яхмес окружают Мехи. Мехи быстрым шепотом рассказывает, как он и Пабес, спрыгнув со стены, побежали по улице, как они боялись встретить учителя Шедсу и как им повезло — они еще издали увидели около дома Мехи того самого возничего Сеннеджема, которого Мехи хотел просить о Пабесе. Сеннеджем, выслушав их, сразу согласился отвезти Пабеса к брату и тут же увел его с собой, а Мехи помчался обратно в школу.

Мальчики очень довольны исходом задуманного ими дела. Теперь можно и пообедать. Этот перерыв большой, он дается с таким расчетом, чтобы ученики успели и поесть и отдохнуть. Некоторые из мальчиков уходят обедать домой, другие приносят еду с собой.

Ини и Яхмес устраиваются со своими припасами под навесом.

— Миу-бин, возьми, пожалуйста, этот узелок до вечера, он мне понадобится после занятий, — говорит Сети, отдавая Ини свой запасной узелок с едой, и уходит вместе с Мехи обедать домой.

За воротами жара кажется еще сильнее от поднимаемой пешеходами и выючными животными пыли, от горячих глиняных оград, однообразие которых, кажется, тоже усиливает зной и духоту.

Но мальчики привыкли к жаркому солнцу. Они доходят до угла, где каждый сворачивает на свою улицу.

— Не забудь узнать, уехал ли Сеннеджем... и вообще... понимаешь? — говорит на прощание Сети.

— Ну еще бы! — весело отвечает Мехи.

Сети торопится домой. Вот и знакомая ограда. Не пройти ли через двор? Хоть это и запрещается, но зато гораздо короче, а Сети так хочется скорее поделиться с домашними своими успехами! И мальчик проскальзывает во двор и входит в дом.

В дверях он почти сталкивается с няней и узнает от нее, что Нахт уже дома и что они будут обедать вдвоем, потому что мать ушла до вечера в

гости к своей сестре, а отец объезжает сегодня царские поля и тоже поздно вернется домой.

Сети отдает няне кусок полотна, в который был завернут завтрак, и поворачивается, чтобы бежать во двор умыться. Но няня останавливает его:

— Постой, Сети! А где же второй кусок полотна, в который я тебе завернула мясо и лук?

— Я его оставил в школе, принесу вечером. А ты мне сюда завяжи еще чего-нибудь, побольше и повкуснее! — просит Сети и бежит во двор.

Няня качает головой, вздыхает и идет за мальчиком.

Через несколько минут Сети, чисто вымытый, уже на северной веранде.

Сети садится на циновку против Нахта, и пока Шерит ставит кушанья для каждого из них на низенькие столики, он весело рассказывает брату, как он сегодня первый раз писал на папирусе, как учитель похвалил его и сказал, что он и дальше будет получать папирус.

Нахт, улыбаясь, смотрит на брата: его радуют и успехи Сети и его счастливое лицо.

Сети между тем пользуется отсутствием старших и продолжает весело болтать в течение всего обеда. И пока братья уничтожают жареную утку и вареные бобы, добавляя к этому порядочное количество ячменных лепешек, Нахт узнает все новости школьного дня. Сети умалчивает только о бегстве Пабеса, хотя ему очень хочется рассказать и об этом.

Шерит приносит медовые соты и плоды — финики, гранаты, виноград.

Сети берет большую гроздь винограда и не выдерживает:

— Нахт, а что у нас еще было! Только это страшная тайна. Поклянись жизнью фараона, что ты никому не скажешь!

— Ну вот еще, наверно, какой-нибудь вздор, — лениво говорит Нахт, принимаясь за финики.

— Не вздор, а такое, что если узнают, то я вылечу из школы. И не я один! — хвастает Сети и с удовольствием видит, что лицо Нахта становится серьезным.

— Ну, не дури и сейчас же говори, в чем дело!

Нахт пробует говорить строго. Ему уже не до фиников — мало ли что могли натворить эти мальчишки!

— Нет, нет, сначала поклянись! — упорствует Сети.

— Ну вот: клянусь фараоном! — говорит Нахт, поднимая руку.

Сети доволен и быстрым шепотом рассказывает брату о том, как им удалось устроить побег Пабеса.

— Да-а... — говорит Нахт, не вполне еще понимая, как надо отнестись

к такому случаю.

С одной стороны, мальчишки как будто правы — учитель Шедсу слишком жесток, а с другой стороны, если он узнает о виновниках этой проделки, то они бесспорно будут исключены из школы. Но в памяти Нахта еще так свежи воспоминания о плетке Шедсу, что он раздумывает очень недолго и начинает вместе с Сети громко смеяться, представляя себе лицо учителя, когда тот откроет подвал.

Братья кончают обед и идут к себе. Нахт ложится на свою кровать, а Сети подсаживается к нему и говорит:

— Ты обещал рассказать мне про звезды, Нахт!

— Ох, верно, обещал, — вздыхает Нахт. — Ну что ж, делать нечего. Дай-ка мне верхний свиток из того сундучка!

Сети быстро достает свиток и снова садится на кровать Нахта.

— Разверни, — говорит брат.

Сети разворачивает свиток и видит ту самую картинку, которая так его заинтересовала утром.

Рисунок разделен на две части: в левой половине изображен сидящий на земле человек, которого окружает несколько звезд; в правой половине рисунка — надписи.

— Вот видишь, Сети, — начинает Нахт, — по ночам мы учимся узнавать время по звездам.

— Как это — по звездам? — Сети очень заинтересован.

— Сейчас расскажу. Только ты мне сначала ответь: как ты думаешь, для чего это надо?

— То есть как для чего надо? Ну, чтобы вообще знать, который час, — неуверенно отвечает Сети.

— Это, конечно, важно, но дело не только в этом. Важно вообще знать время, понимаешь? Знать не только, который теперь час, но и который месяц и какое время года. Вот подумай, как важно всем людям в нашей стране знать заранее, когда начнет разливаться Нил, чтобы успеть к этому хорошенько подготовиться!

— А что же надо готовить? — спрашивает Сети.

Сети очень любит праздник разлива Нила и особенно те вкусные кушанья, которые у них готовят дома к этому празднику. Может быть, Нахт имеет в виду эти приготовления? Но, к счастью, Сети не успевает высказать вслух свою догадку.

— Подготовить надо очень много, — говорит Нахт. — Ведь когда Нил разливается, многие селения оказываются островками. Надо, значит, вовремя увести стада из низких мест, надо внимательно следить, чтобы не

размыло плотины — мало ли может случиться разных несчастий! Даже теперь, когда начало разлива известно заранее, и то по ночам при свете факелов люди все время, пока Нил поднимается, следят за состоянием плотин. А что было бы, если бы мы не знали, когда наступит наводнение!

Нахт на минуту замолкает.

Сети пытается представить себе картину внезапного разлива, и ему делается немножко страшно. Нет, хорошо, что люди научились узнавать такие вещи! А как это они научились? И Сети задает этот вопрос брату.

— Видишь ли, уже очень давно наши предки заметили, что разливы Нила происходят через одинаковые промежутки времени — через год. Вот они и начали считать дни года от начала разлива...

— Так вот почему у нас Новый год празднуется в день начала разлива! — перебивает Сети брата.

— Совершенно верно, именно поэтому. А постоянные наблюдения за сменой дня и ночи, за движением солнца, луны и звезд помогли нашим предкам определить времена года — ты их знаешь: «время разлива», «время выхода злаков» и «время жатвы» [\[12\]](#), — определить количество месяцев и дней. Словом, создать календарь.

— Ты говоришь, Нахт, о движении солнца, луны и звезд. Я не совсем понимаю! — нетерпеливо говорит Сети. — Ну хорошо, солнце восходит на востоке и заходит на западе. Луну я тоже вижу в разное время в разных местах неба. А вот звезды — разве они тоже движутся?

— Да, звезды тоже движутся, и их движение как раз очень важно, потому что именно звезды и помогают нам заранее угадать время начала разлива Нила.

— Как это может быть?

— А вот как. Если бы ты наблюдал за звездами, то ты заметил бы, что они не только все время движутся, но и восходят-то не всегда в один и тот же час, а появляются в разное время года по-разному. Есть и такие звезды, которые вообще некоторое время не появляются на небе, а потом снова становятся видны. И вот уже очень давно было замечено, какие именно звезды бывают видны в таких-то местах неба в такие-то часы перед началом разлива, а потом, после долгих-долгих наблюдений, людям удалось определить, где, в каких местах неба, в какие часы и в какие времена года бывают видны определенные звезды. Поэтому теперь наблюдатели звезд уже заранее знают, какое расположение звезд на небе указывает тот или иной час определенной ночи года, а значит, они всегда уже могут известить о предстоящем начале разлива Нила. Понял? — спрашивает Нахт.

— Это я понял, — отвечает Сети. — А вот про картинку-то ты мне еще ничего не рассказал!

Нахт улыбается:

— Действительно, про картинку я и забыл. Давай ее сюда. Смотри. Я ведь и начал с того, что по ночам мы учимся узнавать время по звездам. А для этого мы должны хорошо знать сами звезды. Вот нам и нужно заметить и записать, где находятся в каждом часу ночи те звезды, по которым мы сразу же можем определить время.

— А как вы это делаете? — спрашивает Сети.

— Мы садимся по двое на крыше храма друг против друга. Вот представь себе, что человек на этом рисунке — мой друг Птахмес и что он спокойно сидит против меня, а я замечаю, как расположены вокруг него звезды, и рисую каждый час ту из них, которая определяет время этого часа, вот так, как это здесь показано, а справа записываю, в котором часу какую звезду я зарисовал. Понял?

— Понял, конечно. А как ты записываешь звезды? У них есть имена?

— Да, имена есть и у отдельных звезд и у целых групп — созвездий. Вот разверни свиток еще немного — видишь другую картинку.

Сети с интересом рассматривает новый рисунок. Тут нарисовано уже что-то совсем непонятное: нога быка, а по ней — семь звезд.

— Посмотри, Сети, — говорит Нахт, — эти семь звезд расположены так, что все вместе напоминают ногу быка, правда? Вот их и называли Нога Быка^[13]. Есть и другие созвездия — Бегемотиха, Крокодил, Лев. Есть чудесная яркая звезда Сепдет и много других.

Сети смотрит на Ногу Быка и возвращается опять к первой картинке:

— Скажи, Нахт, а Птахмес и ты — вы можете сесть на любом месте крыши или нет?

— Нет, не на любом.

— А как вы узнаете, где вам надо садиться?

— Ну, это долго рассказывать. Вот если бы ты побывал ночью на наших занятиях, то я бы тебе объяснил больше, а так...

Нахт не успевает кончить, потому что Сети бурно перебивает его:

— Нахт, возьми меня с собой! Возьми сегодня же! Я очень тебя прошу. Я буду сидеть тихо-тихо, как мышонок. Нахт, милый, возьми!

Нахт сначала решительно отказывается, но Сети не отстает. Он еще и еще раз обещает быть смирным и послушным, предлагает нести письменный прибор Нахта, разводить краски, подавать ему палочки. Он убеждает брата, что сегодня это сделать особенно удобно, потому что завтра праздник и занятий не будет, а значит, ему не надо утром рано

вставать и он сможет выспаться.

Наконец Нахт начинает сдаваться. Собственно говоря, почему бы и не взять мальчика! Мешать он не будет, а посмотреть на занятия старших ему и интересно и полезно. Нахт очень любит своего младшего брата и всегда готов доставить ему развлечение.

В конце концов он соглашается, и Сети от радости прыгает по комнате.

— Только смотри не опаздывай! — строго говорит Нахт. — Ведь ты любишь побегать после школы! Опоздаешь — я уйду без тебя... А теперь отправляйся в школу, я еще должен хорошенько выспаться перед ночью.

Сети обещает прийти вовремя. Он немедленно исчезает из комнаты, находит няню, берет у нее заново наполненный едой узелок и бежит в школу.

Глава VII

УРОК АРИФМЕТИКИ. — ПИСЕЦ АНИ

Когда Сети приходит в школу, до конца перерыва остается немного времени, и мальчики начинают готовиться к занятиям.

Уже при входе в комнату Сети замечает, что Ини явно возбужден и чем-то очень доволен.

— Ты что, Миу-бин? Что-нибудь случилось? — с интересом спрашивает Сети.

— Отколотили! Понимаешь, отколотили! — удовлетворенно отвечает Ини.

Сети сразу понимает, что речь идет о Нефере, и ему делается очень досадно, что Ини опередил его. Но Ини убеждает своего друга, что ждать было невозможно, надо было воспользоваться тем, что Аменхотеп уходил обедать. А потом, почему это именно Сети хочет каждый раз расправляться с Нефером! Сети уже побил Нефера на прошлой неделе, когда тот потихоньку щипал маленького мальчика из тех, которые первый год ходят в школу. Совершенно ясно поэтому, что сегодня Ини имел полное право отколотить Нефера, и он это сделал с большим удовольствием и, по-видимому, с успехом, поскольку Нефер, очень мрачный, сидит как-то боком и все время потирает то плечо, то щеку.

Сети смотрит на Нефера, весело хихикает и перестает сердиться на Ини.

Друзья начинают раскладывать письменные принадлежности, и вдруг Сети вспоминает об учителе Шедсу. Не знает ли Ини, пришел Шедсу обратно? Нет, его еще не видели; наверно, он так и не вернулся.

Действительно, вместо Шедсу в комнату входит опять Аменхотеп.

Вот и сейчас Сети сразу и легко решает пример, заданный Аменхотепом. Ведь для этого надо просто удваивать число 8: если его взять 1 раз, то и будет 8; если взять 2 раза, будет 16; если удвоить 16, будет 32; а еще раз удвоить — 64. Это и будет решение.

8 0111
 0111
 111
 11 0111
 0111
 0111 0000 01

 0111 0000 11 Все это 0000 11
 0111 0000 11 0000 11

80. Тогда Аменхотеп предлагает им пример посложнее: взять 16 раз число

1	nnnn nnnn	(1	80)
0	eeee eeee	(10	800)

Сети аккуратно пишет все свои вычисления двумя столбиками:

1	nnnn nnnn	(1 20)
\ n	eeee eeee	(10 800)
\ "	nnn e nnn	(2 160)
\ III	eee nn	(4 320)

Теперь надо складывать числа первого столбика таким образом, чтобы получить в итоге 16. А после этого надо сложить стоящие в тех же строчках числа второго столбца. Итог, полученный при этом подсчете, и будет искомой величиной. Для того же, чтобы не спутать, какие числа надо складывать, Сети ставит, как это полагается, косую палочку около этих строк.

Вот он и вычислил:

ee nnnn (1280)
I e nnnn

Этот пример тоже оказался нетрудным: здесь надо было сложить все строки, кроме первой. А вот Хеви прибавил и первую строчку — и сделал ошибку.

Аменхотеп задает новый пример, немного потруднее: взять 28 раз число 63.

Сети думает и решает таким образом:

1		(1 63)
10		(10 630)
100		(10 1260)
1000		(2 126)
10000		(4 252)
100000		(8 504 6300 1764)

— Теперь, мальчики, сосчитайте, сколько будет, если мы возьмем число 40 два с половиной раза, — говорит Аменхотеп.

Ого, тут уже дроби!

Мальчики как раз их проходят и еще не вполне с ними освоились. Но в примере, заданном учителем, только одна дробь, да и та — $1/2$, поэтому Сети справляется с примером довольно легко и решает его так:

1		(1 40)
2		(2 80)
1/2		(1/2 20, 6300 100)

Аменхотеп доволен своими учениками и переходит к более сложному заданию. Он диктует задачу, в которой надо разделить имевшиеся у одного человека хлебцы между несколькими людьми, причем все они получили разное количество хлебцев.

Мальчики старательно записывают условия задачи и начинают думать.

Сети не торопится. Он перечитывает задачу несколько раз и, только поняв ход задачи, начинает решать. Ини, наоборот, прочтя задачу один раз, сразу убеждает себя, что ему ее не решить, и впадает в уныние. Не задумываясь над общим смыслом задачи, Ини пробует наудачу производить то одно, то другое действие с заданными в задаче числами и запутывается все больше и больше.

— Миу-нофер, я ничего не понимаю! — отчаянно шепчет он.

Сети взглядывает на черепок Ини, молча показывает пальцем, что все написанное надо зачеркнуть, и пальцем же показывает на свой черепок, предлагая товарищу списать у него.

Ини так и собирается делать. Но хотя он шептал очень тихо, а Сети объяснялся только пальцем, Аменхотеп каким-то образом понимает их намерение и неожиданно говорит:

— Ини, подойди сюда! Лучше спроси у меня, если тебе непонятно, а не мешай Сети. А ты, Сети, очень плохо поможешь твоему другу, если дашь ему списывать: ведь от этого он не научится решать задачи!

Сети краснеет и опускает глаза. Ини, еще более красный, поднимается, медленно подходит к молодому учителю и протягивает ему злополучный черепок.

Аменхотеп внимательно читает все, что написал Ини, и убеждается, что мальчик и не пробовал продумать задачу.

— Как же ты хотел решать, Ини? — спрашивает Аменхотеп.

Ини молчит.

— Ты совсем не понял задачи?

Ини отрицательно качает головой.

— Но почему же ты не подумал как следует, а начал сразу решать как попало?

— Я все равно не смогу понять ее, господин, а потому и пробовал наудачу, — признается Ини.

— Почему же ты так уверен, что не поймешь? Разве ты глупее всех своих товарищей?

Ини чувствует себя задетым. В самом деле, разве он самый глупый?

Аменхотеп видит, что его слова подействовали на мальчика, и решает тут же этим воспользоваться.

— А ну, попробуй рассуждать вслух! — говорит он.

Ини думает, но не успевает ответить, потому что легкий шорох у входа в комнату отвлекает внимание учителя. Аменхотеп поворачивает голову к двери, быстро поднимается с кресла и склоняется в глубоком поклоне. Все мальчики вскакивают и тоже кланяются. Поспешно кланяется и Ини.

В дверях стоит, опираясь на посох, высокий, худощавый старик в белоснежном одеянии. Черные локоны парика странно противоречат глубоким морщинам, покрывающим его лицо, впалым щекам, опущенным углам старческого рта. Только зоркий взгляд глубоко сидящих глаз кажется живым на лице старика. Он внимательно оглядывает всех и кивает головой. Аменхотеп подходит к нему и, кланясь еще раз, спрашивает:

— Как твое здоровье, господин?

— Благодарю, сын мой, я здоров, — отвечает старик.

Аменхотеп почтительно берет его под руку и медленно ведет к креслу.

Это старик Ани, пользующийся большим почетом ученый писец. Он, пожалуй, лучше всех своих современников знает историю своей родины. Долгие годы изучал он хранящиеся в разных архивах древние летописи. Теперь он уже много лет, по повелению фараона, сам составляет летопись — ведет по годам запись всех главных событий, которые происходят в Египте. Хорошо знает Ани и египетскую литературу — и поучения, и повести, и сказки, и стихи. Недаром в своих беседах он постоянно читает наизусть отрывки из самых разных произведений.

Ани интересуется и другими отраслями знаний. Его можно часто видеть ночью на крыше храма, где он изучает звезды. Он внимательно слушает рассказы людей, приезжающих из далеких стран. Он сам много путешествовал по Египту и за его пределами.

Долгие годы Ани учил школьников, но теперь сил у него немного, и он преподает только в высшей школе. Однако изредка он посещает занятия и в школах для младших мальчиков, следит за их успехами, присматривается к ученикам.

Аменхотеп помогает Ани сесть в кресло и, пододвинув ему под ноги скамеечку, остается стоять рядом со стариком.

Ини неожиданно оказывается совсем близко от старика.

«Когда он вошел? Что он успел услышать?» — терзается мальчик.

Его сомнения, однако, разрешаются очень скоро, потому что старик кладет ему на голову свою худую, костлявую руку и спрашивает:

— Так ты думаешь, что тебе не решить задачу, сын мой?

Ох, значит, он все слышал!

Ини готов провалиться сквозь землю, но старик берет его за подбородок и заставляет поднять голову. Ини решается посмотреть в глаза старому писцу и, к своему удивлению, замечает, что эти глаза смотрят на него совсем не строго.

— Что же ты молчишь? — спрашивает Ани и, не дожидаясь ответа, продолжает: — А я думаю, что дело не в этом, а в том, что ты не любишь науку счета и думаешь, что она тебе не нужна и что тебе никогда не пригодятся те задачи, которые доставляют теперь столько неприятностей. Верно это или нет?

Ани смотрит в глаза мальчику и неожиданно улыбается такой доброй улыбкой, что у Ини пропадает смущение и он откровенно сознается:

— Верно!

Ани кивает ему головой и говорит:

— Очень хорошо, что ты сказал правду. Теперь и я, быть может, смогу тебе помочь. Скажи мне, сын мой, думал ли ты когда-нибудь, что будешь делать, когда вырастешь?

Хотя Ини совершенно не ожидал такого вопроса, но тем не менее он сразу же может на него ответить:

— Да, господин. Я хочу побывать в различных дальних странах, в таких, куда еще не заходил ни один египтянин!

Взгляд старика становится еще мягче, и его рука ласково гладит плечо Ини.

— Очень хорошее желание, сын мой, прекрасное желание! Но как ты попадешь в далекие страны? Вероятно, ты поедешь писцом какого-нибудь отряда, который будет разыскивать новые каменоломни или рудники и будет прокладывать пути в неизведанных местах, да? Ну хорошо. Вот ты едешь с таким отрядом, вот вы нашли новые залежи прекрасного камня. Тебе надо будет зарисовать место, чтобы туда можно было найти потом дорогу. А для этого надо измерить отдельные участки пути и записать все на твоём рисунке. Я, кажется, смогу показать тебе такой рисунок... Скажи, Аменхотеп, нет ли у тебя здесь того папируса, который ты взял у меня вчера? — обращается Ани к молодому учителю.

— Да, господин, сейчас я его принесу.

Аменхотеп уходит, быстро возвращается и подает старику свиток.

Ани разворачивает свиток и показывает Ини нарисованную на нем цветную карту горной местности с отмеченными на ней названиями и расстояниями между отдельными селениями и горами.

Ини смотрит на карту, широко раскрыв глаза.

— Теперь слушай дальше, — говорит Ани. — К новым каменоломням надо построить дороги, вырыть на пути туда колодцы. А потом там начнутся разработки, и надо будет вывозить изготовленные обелиски или статуи. Так?

Ини кивает головой; ему уже совершенно отчетливо представляются все прелести таких путешествий.

Ани продолжает:

— А сумеешь ли ты измерить дорогу? Сможешь ли ты высчитать, сколько людей необходимо для такого отряда, сколько еды надо для них взять с собой? А сосчитаешь ли ты, сколько людей надо, чтобы выкопать колодец? Сколько надо людей, чтобы перевезти статую в тридцать локтей ^[16] высоты? Вот представь себе, что в каменоломне сделан новый обелиск в сто десять локтей высотой и десять локтей в основании.

Сможешь ли ты рассчитать, сколько нужно людей, чтобы его тащить? А сосчитать надо быстро и точно — ведь обелиск уже лежит готовый, а в столице его ждут строители. Сумеешь ли ты справиться со всеми большими задачами, которые перед тобой поставит жизнь и которые тебе никто не поможет решить, если ты не научишься решать задачи в школе, где тебе еще могут помочь учителя?

Ани умолкает и смотрит на растерянное лицо Ини. Вот так приятное путешествие! Оказывается, шагу не удастся сделать без того, чтобы не пришлось что-нибудь высчитывать! Ну и что же? Значит, из-за этого отказаться от давней, заветной мечты? Ну уж нет, лучше научиться решать все эти задачи! Не глупее же он, в самом деле, других мальчиков!

Ани как будто понимает, о чем думает Ини.

— Пойди на место и подумай хорошенько, — говорит он мальчику. Потом обращается к детям: — Те из вас, кто решил эту задачу, встаньте и подойдите ко мне.

Больше половины мальчиков встают и подходят к старому писцу. Он берет их черепки, смотрит: хвалит тех, у кого верно решено и при этом чисто написано, отсылает обратно тех, которые решили неправильно.

Сети заслуживает похвалу старика и довольный возвращается на место.

— Ты не давай мне своего черепка, Миу-нофер, — шепчет ему Ини. — Я хочу сам решить эту задачу!

— Правильно, Миу-бин. Я уверен, что ты ее скоро решишь! — отвечает Сети.

Но в это время Аменхотеп, выслушав то, что ему тихо сказал Ани, обращается к мальчикам:

— Слушайте меня, мальчики! Почтенный Шедсу задерживается в храме Птаха, а так как завтра праздник, то я разрешаю вам раньше уйти домой. Те, кто не решил задачу, возьмите черепки с собой и решите ее дома. Хеви, ты возьмешь дома большой черепок и напишешь несколько раз на память те две строчки, которые сегодня написал лучше всего в конце урока письма. Тебе придется заниматься побольше, чтобы догнать товарищей. А теперь собирайтесь, и споем восхваление Тоту, потом вы сможете пойти по домам!

Мальчики, стараясь не шуметь, быстро собирают свои вещи, громко поют короткий гимн богу Тоту, покровителю писцов, и, кланяясь учителям, выходят из комнаты.

Сети и Ини идут вместе.

Сети, держа в одной руке свои узелки с едой, другой протягивает свой

письменный прибор Ини.

Мальчики еще до урока сговорились, что Ини возьмет к себе до завтра прибор Сети, чтобы тот мог сразу же бежать «по одному важному делу», о котором он обещал рассказать Ини завтра во всех подробностях, но сегодня отказался даже намекнуть, в чем это дело состоит.

Ини очень хотелось узнать секрет друга немедленно, но ему пришлось согласиться подождать, так как он хорошо знал, что когда Сети говорит так решительно, как сейчас, то уговаривать его бесполезно. И друзья мирно расстанутся до утра.

Глава VIII

МАЛЕНЬКИЙ ГОНЧАР И СТАРЫЙ ВОИН

Сети торопливо идет по направлению к рынку. Хорошо, что от школы не очень далеко до рынка. Город Перрамессу велик и многолюден. Это один из важнейших городов Египта, и его история очень интересна. Сегодня на уроке Аменхотеп как раз рассказывал им о том, как и почему этот город, называвшийся раньше Хетуарет, стал когда-то столицей кочевников гиксосов и как при освобождении Египта от их ига именно здесь происходила последняя битва.

Сети слышал об этом еще раньше: и отец и Нахт много рассказывали ему о прошлом Египта, рассказывали о войне с гиксосами. Он знает также, что при изгнании врагов город был сильно разрушен и потом долгое время не имел никакого особенного значения.

Только необходимость вести длительные войны с хеттами привела к новому возвышению города: здесь, почти у азиатских границ Египта, было очень важно иметь хорошо укрепленный большой город, где можно было всегда держать многочисленное войско, запасы оружия и продовольствия, табуны лошадей для колесниц. Отсюда было удобно снабжать египетские крепости в Сирии и узнавать обо всем, что затевали хетты.

Немало способствовало возвышению Хетуарета и то, что фараон Рамсес, который с самого начала своего правления вел постоянные войны с хеттами, сам был родом из этого города и хорошо понимал его выгодное в военном отношении положение.

Рамсес приказал заново укрепить Хетуарет и построить богато украшенный дворец и большие храмы. А чтобы показать, какое значение он придает городу, фараон даже дал ему новое имя, назвав его Перрамессу — «Дом Рамсеса».

Рамсес проводил здесь почти все время, за исключением поездок по Египту и походов за его пределы. В Перрамессу переехали многие придворные и чиновники, которые построили себе здесь новые дома, увеличилось число ремесленников, в гавань города стало прибывать множество кораблей.

И хотя столицей по-прежнему оставалась Уасет, Перрамессу вскоре стал одним из самых больших и красивых городов Египта.

Пока Сети добирается до Нила, на берегу которого расположен рынок, ему приходится пройти ряд улиц и переулков.

Вот и главная площадь города. Здесь находятся дворец фараона и храмы бога Птаха и богини Анат.

Эта площадь каждый раз поражает Сети великолепием своих зданий, блеском вооружения военной стражи у ворот дворца, зеленью дворцовых садов, видимых через эти ворота. Особенно величественны храмы. Сети даже страшно смотреть на их пилоны — ворота с огромными башнями. На мачтах этих башен развеваются флаги. А впереди стоят гигантские статуи фараонов.

Здесь всегдалюдно. То проезжают нарядные колесницы, то рабы несут украшенные золотом носилки какого-нибудь вельможи, за которыми идут другие рабы с опахалами из разноцветных страусовых перьев, то проходят отряды воинов — лучники с большими луками и полными стрел колчанами или копьеносцы с длинными копьями и тяжелыми щитами. Но сегодня Сети не задерживается на площади, он торопится дальше.

Часть города, расположенную за площадью, Сети знает хуже. Поэтому, перейдя площадь, он решает идти прямо по длинной широкой улице, соединяющей ее с рынком и Нилом, хотя переулками путь был бы короче.

Эта улица, одна из самых оживленных в городе, идет по легкому склону вниз, к реке. Чем ближе к рынку, тем все больше и больше идет народу — и в одном направлении с Сети и навстречу ему. Люди несут продукты, различные изделия.

Все чаще встречаются нагруженные выюками или корзинами ослы; иногда они идут целыми караванами под присмотром погонщиков.

Под ногами попадают увядшие листья, раздавленные плоды, обрывки тряпок, веревки.

Постепенно начинает доноситься многоголосый шум рынка, ограды домов перемежаются с навесами лавчонок или мастерских. И вот перед Сети разворачивается пестрая картина большого рынка, за которым сверкает гладь нильских вод.

Сети останавливается. Да, вот именно здесь вчера, когда он после школы побежал на базар купить себе бронзовых рыболовных крючков, а заодно и сладостей, он встретил того мальчика с чудесной глиняной свистулькой.

Мальчик был одного с ним роста, очень худой и загорелый. Он сказал, что его зовут Мес, и подарил Сети свистульку, а Сети отдал ему купленные сладости — аппетитные медовые печенья.

Ох, как Мес их ел! Уж на что Сети и сам неплохо уплетает вкусные

вещи, но так быстро прикончить печенья, как это сделал Мес, он не смог бы.

Потом они разговорились. Оказалось, что Мес сам сделал свистульку; он этому научился у своего дяди, горшечника Небмехи. Сети позавидовал умению Меса. Но дальше было что-то непонятное. Выходило, что Мес сегодня съел только одну луковицу и горсть бобов и что ничего, кроме сухой лепешки и еще одной луковицы, ему и не придется съесть. Когда же Сети спросил, почему же он не собирается обедать, Мес сказал что-то вроде того, что обеда у них ни вчера, ни сегодня не варили, потому что варить нечего.

Сети не понял, как это нечего, когда достаточно сходить в кладовую или послать купить, что нужно, на базар, но не стал переспрашивать, потому что смутно чувствовал, что говорить об этом не следует.

Потом они поболтали еще о свистульках, а затем Мес рассказал, что он знает на берегу одного старого воина, который сторожит склады и умеет рассказывать замечательные сказки, и позвал Сети пойти к этому старику. Но было поздно, Сети должен был идти домой, и они сговорились встретиться на следующий день и тогда уже прямо пойти к старику.

И вот Сети здесь, а Меса нет.

Сети беспокойно оглядывается и вдруг вспоминает, что Мес предупреждал, где его надо искать, если он не придет на место встречи. Надо пойти направо по переулку, потом выйти налево на улицу, где находятся горшечные и фаянсовые мастерские, и там, четвертая направо, будет мастерская Небмехи, дяди Меса.

Сети сворачивает в узкий переулок. Какие здесь маленькие-маленькие домики! И дворов отгороженных нет. И амбаров не видно. Даже нет ни одного цветочка. Вот и поворот на улицу, вот и мастерские горшечников. Раз, два, три, вот четвертая...

Сети останавливается перед навесом, под которым сложено много готовой глиняной посуды. Здесь и большие остродонные сосуды для вина, и кувшины, и блюда, и маленькие чашки. Среди всей этой посуды сидит на корточках старик. Он не то сторожит товар, не то ждет покупателя.

— Чего тебе, мальчик? — спрашивает старик.

— Мне надо Меса, — отвечает Сети.

— Ступай во двор, вон туда. — Старик показывает рукой направо, где рядом с навесом виден проход во двор.

Сети идет туда.

Двор завален глиной. В одном углу двое мужчин месят ее ногами. В другом стоят два гончарных круга.

Около одного из них сидит человек. Он вертит круг левой рукой, а правой ловко выделывает стоящую посередине этого круга чашу.

У второго круга сидит другой гончар; он кладет на его середину комок глины, запускает круг, и на глазах пораженного Сети под руками гончара начинает вырастать высокий кувшин.

Быстро вертится круг; гончар, изредка смачивая руку водой, ровняет кружащийся кувшин, затем останавливает станок, ловко срезает кувшин снизу, приделывает к нему ручки и осторожно ставит его на гладко обструганную доску, где уже стоят такие же кувшины.

— Эй, мальчики! — кричит гончар.

И тут только Сети замечает Меса. Весь выпачканный в глине, он подбегает к станку вместе с другим мальчиком, постарше. Они осторожно поднимают доску и несут ее в глубь двора, к печи, в которой обжигают посуду.

Сети ждет, пока они ставят доску на землю, и, только когда Мес отходит в сторону, тихо зовет его. Мес оглядывается, видит Сети и глазами показывает на улицу. Сети понимает и выходит, а через минуту выбегает и Мес.

— Нашел меня? Ну и ладно. Вот, бери — это я для тебя вылепил, — говорит Мес и протягивает Сети глиняные фигурки — птичку, быка, собачку.

Сети с восторгом берет игрушки.

— Неужели ты сам? Вот здорово! Ну и молодец же ты! — восхищенно говорит Сети.

— Ну, чего там! — скромничает Мес, хотя похвалы Сети ему явно приятны. — Ну как, идем?

— А тебе можно? — спрашивает Сети.

— Можно. Это последняя доска. Сейчас они будут обжигать посуду. А мы с тобой сбегаем к старику, я там и поем. — Мес показывает лепешку.

— Я тебе принес, вот тут, — говорит Сети и протягивает свои узелки.

— Что это? О, мясо, лепешки, финики! Вот хорошо!.. Ну, спасибо, мы это все с тобой съедим там, да еще и старика угостим. Идем скорее!

Мес хватается Сети за руку, и они бегут вниз по улице.

— Мы не пойдем через базар, — говорит Мес, — а то там скоро не проберешься. Мы вот сюда, краешком.

Но и крайняя часть базара все-таки достаточно многолюдна, и мальчикам приходится то увертываться от несущих тяжелые грузы носильщиков, то перепрыгивать через разложенные прямо на земле для продажи овощи, то обходить громко торгующихся людей.

Но вот и берег. От реки веет прохладой, дышать становится легче.

Город стоит на берегу самого восточного из многочисленных рукавов Нила, на которые разделяется великая река перед впадением в Средиземное море.

Вдоль всего берега тянутся склады с различными товарами и амбары с зерном такой же формы, как у Сети на дворе, только гораздо больших размеров.

К причалам на воде спускаются пологие ступени, по которым поднимаются приезжающие в город люди. А на Ниле всюду — и у пристаней и просто у берегов — стоят и движутся суда: грузовые баржи, военные корабли, лодки рыбаков, красивые ладьи для прогулок знати.

Здесь можно встретить и корабли из далеких стран Средиземноморья — Финикии, Сирии, Кипра, и суда, спустившиеся по Нилу из разных мест Египта и Нубии. Слышится стук весел, хлопанье парусов, крики матросов и рыбаков.

Кое-где между пристанями видна зелень пальм и сикомор, редкие тростники. Зато дальше, там, где кончаются склады, тростники стоят уже густой стеной, и над их зарослями изредка взлетают гнездящиеся в них птицы.

— Где же старик? — спрашивает Сети.

— Вон там, у того склада, — показывает Мес.

И они бегут туда. Но старика не видно. Вместо него сидит человек средних лет.

— А где дедушка Себекхотеп? — спрашивает Мес.

Оказывается, он пошел к рыбакам помогать вытаскивать сети. Ведь за это он получит немного рыбы.

И мальчики бегут к рыбакам.

Путь им внезапно преграждают носильщики. Они переносят зерно с баржи в амбары около склада. Люди идут, согнувшись под тяжестью корзин с зерном, мерно и трудно ступая, и медленно, в такт ходьбе, поют песню:

Должны ли мы целый день
Таскать ячмень и белую полбу? [\[17\]](#)
Полны ведь уже амбары,
Кучи зерна текут выше краев,
А нас всё заставляют таскать!
Воистину из меди наши сердца!

«Какая странная песня! — думает Сети. — Она совсем не похожа на те гимны, которые мы учим в школе. И сложена не так, и напев особенный... А хорошая песня! Как они хорошо поют! Ведь, верно, надо иметь медное сердце, чтобы выдержать такую страшную работу!»

— О чем задумался? — спрашивает Мес.

Сети рассказывает.

— Да, тяжело, — соглашается Мес. — Но не тяжелее, чем тянуть плуг при пахоте.

— Как — тянуть плуг? — спрашивает Сети. — Плуг ведь тянут быки!

— Это когда есть быки, — отвечает Мес. — А вот у нас их не было, так отец сам тянул, а мы с матерью шли за плугом.

— Ты разве живешь в деревне? Разве твой отец земледелец, а не гончар? Почему же ты здесь, в городе? — удивляется Сети.

— Об этом я тебе как-нибудь потом расскажу. — Лицо Меса хмурится. — А теперь бежим, тут можно проскочить.

Мальчики действительно проскальзывают перед одним из носильщиков и бегут дальше.

Вот и вода, и рыбацьи лодки, и разложенные для просушки сети, и костер в тени деревьев.

На костре варится вкусно пахнущая рыбой похлебка, а рядом сидят старик и мальчик. Мальчик, пожалуй, ровесник Меса и Сети; он держит в руках дудочку из тростника и наигрывает какую-то песенку.

— Привет, дедушка Себекхотеп! — кричит Мес и, перепрыгивая через разложенные рыболовные снасти, подбегает к костру.

— Привет! — говорит и Сети, следуя за Месом.

— А-а, Мес! Здравствуй, здравствуй! — говорит старик. — А это кого ты привел?

— Это мой друг, его зовут Сети. Он тоже очень любит сказки, — представляет Мес своего нового приятеля.

Сети смущенно улыбается и кивает головой.

— Ну и хорошо! Садитесь-ка сюда. Сейчас похлебка будет готова, вот и поедем все вместе. А это — Май, тоже любитель сказок, да к тому же и опытный рыболов. — Старик кладет руку на плечо сидящего с ним рядом мальчика, на голове которого целая копна вьющихся черных волос.

Май улыбается, и на его смуглом лице ярко сверкают ровные белые зубы.

Друзья садятся. Мес развязывает узелки Сети и делит их содержимое на четыре части, добавляя туда же и свою сухую лепешку.

— О, да у нас сегодня будет целый пир! — смеется старик и

помешивает похлебку.

— Хотите купаться? — неожиданно предлагает маленький рыбак.

И через минуту все три мальчика с наслаждением плещутся в воде. Мес смывает с себя глину, Сети — пыль. Все трое довольны, ныряют, фыркают, плавают.

— Эй, ребята, все готово, идите скорее! — кричит Себекхотеп.

Мальчики быстро поворачивают к берегу и выскакивают из воды.

— Май, тащи сюда плошки! — командует старик.

Маленький рыбак бежит к небольшому шалашу под сикоморой и возвращается с четырьмя глиняными плошками. Старик разливает дымящуюся похлебку и раздает детям, каждый получает и свою порцию из припасов Сети, и некоторое время все молча едят.

Наконец с едой покончено, плошки вымыты в реке, и мальчики располагаются вокруг старика, чтобы послушать сказку.

— Дедушка, расскажи опять про жреца-обжору и про жадного фараона! — просит Мес.

Старик молчит, взглядывает на Сети и потом говорит:

— Ну, зачем же рассказывать то, что ты уже слышал! Вот я лучше расскажу вам про храброго полководца Тхутия и про то, как ему удалось взять неприступный город Яффу.

У мальчиков загораются глаза, и они ближе подвигаются к старику.

— Это было давным-давно, — начинает он. — Тогда еще фараон Тутмес^[18] водил свои войска в Сирию. Вот однажды приказал фараон военачальнику Тхутию взять приморский город Яффу. А в знак того, что Тхутий получил от него полную власть, отдал ему фараон свою собственную булаву.

Вот подошел Тхутий с войском к Яффе, стал у города. Видит — стены высокие, неприступные, никак на них не взобраться. Но все-таки попробовал взять те стены штурмом. Не вышло. И решил тогда Тхутий взять город хитростью. Послал он гонца к правителю города и велел сказать, что он решил изменить фараону и перейти на его сторону, а чтобы обо всем этом договориться, просит он правителя к себе на пир.

Вот правитель и попался на хитрость Тхутия и явился к нему пировать да договариваться. А Тхутий и говорит ему: «Разреши, пожалуйста, мне скрыться вместе с женой и детьми в твоём городе. И прикажи также впустить и моих конников с лошадьми». И их впустили. А правитель Яффы захотел увидеть булаву царя Тутмеса и сказал Тхутию: «Мое желание — посмотреть великую булаву фараона Тутмеса. Она ведь у тебя. Сделай милость, покажи ее мне!» Тхутий принес булаву царя Тутмеса, схватил

правителя Яффы за одежду и сказал: «Посмотри-ка сюда, о правитель Яффы! Вот булава фараона Тутмеса, свирепого льва, сына Сохмет! [\[19\]](#)» И поразил правителя Яффы в висок, и тот упал без сознания.

Связал Тхутий правителя Яффы ремнями, заковал медными оковами. Велел Тхутий принести пятьсот сосудов, сделанных по его приказу. Приказал он спуститься в них двумстам воинам, а остальные триста сосудов наполнили веревками и колодками и запечатали печатью. Потом погрузили эти сосуды на сильных воинов, числом пятьсот человек, и им сказали: «Когда вы войдете в город, выпустите ваших товарищей, схватите всех людей в городе и тотчас же перевяжите их!»

А чтобы их пропустили в город, решили сказать, что они несут дары от Тхутая. И вот ворота города открыли перед воинами, они вошли в город, выпустили своих товарищей. Так овладели они городом, и малыми и великими, и связали их, и сразу же надели на них колодки.

А когда фараон Тутмес узнал обо всем этом, он похвалил Тхутия и наградил его золотом и рабами...

Старик умолкает. Мальчики не отрываясь смотрят на него. Они еще под впечатлением сказки, им видятся высокие стены чужого приморского города, ловкий Тхутий, скованный правитель, длинная вереница воинов, несущих на плечах безопасный по виду груз.

— А ты сам воевал, дедушка? — прерывает молчание Сети.

— Я-то? А как же, много воевал. И в Нубии и в Сирии сражался!

— А награды у тебя есть? — допытывается Сети.

— Награды? — Старик смотрит на мальчика и, показывая на сухую, неподвижно висящую левую руку, насмешливо говорит: — А как же! Вот моя награда — видишь, руку мне хетты перебили, когда я в битве щитом прикрывал своего начальника в колеснице.

— И что же ты тогда сделал, когда руку тебе перебили?

— А что я мог сделать! В правой-то руке у меня вожжи. Выпущу их — так кони понесут, и тут нам обоим смерть. А брошу щит — от стрел погибнем. Ну, я и ухитрился низом щита упереться в выступ колесницы. Начальник стреляет — я правлю да зубами скриплю, а щит держу. И так до конца и додержал!

— Молодец, дедушка, силач, герой! — восхищенно кричит Сети и восторженно смотрит на старика.

— Да, воевал, воевал, всю жизнь воевал, — бормочет старик, задумчиво глядя на догорающие уголья. — А что навоевал, спрашивается? Семейю завести не успел, родители давно умерли, раз только и видел их после того, как меня забрали в войско. Годами Египет не видел — то на

чужбине в гарнизоне стоял, то в походах. Так вот жизнь-то и прошла. Был Себекхотеп силен да здоров — был фараону нужен. А как стал Себекхотеп стар да как руку ему перебили — и не нужен он никому. Дали сначала, как полагается, землю. А как мне ее обрабатывать? Вот и сдал ее внаем начальнику полей храма бога Птаха: его земли граничили с моей. А он взял да и присвоил мою землю. Долго я с ним судился, последние деньги потратил, да ведь где мне с ним сравниться! Задарил он всех судей и оказался правым. И досталась ему моя земля... А я вот и хожу в сторожах на старости лет за кусок хлеба...

Старик замолкает. Молчат и мальчики.

Мес и Май смотрят на реку. Май снова берет дудочку. Ничего нового или особенного в рассказе старика для них нет, оба они хорошо знают цену куска хлеба, обоим не раз приходилось голодать и еще не раз придется; знают они и то, что бедняку приходится рассчитывать только на свои силы и что ждать справедливости от богачей нечего.

Но у Сети широко раскрыты глаза. Он привык слышать совсем другое о том, как возвращаются из походов, — о богатой добыче, о приведенных рабах и лошадях, о полученных наградах. Ведь человек воевал всю жизнь, а теперь? Разве это правильно?

Сети смотрит на седые волосы Себекхотепа, на покрывающие его тело рубцы, на его беспомощно висящую руку, его натруженные в походах худые ноги и глубоко задумывается.

Глава IX

В НИЛЬСКИХ ЗАРОСЛЯХ

Маи встает и, прикрывая глаза ладонью, смотрит вдаль, где густые заросли тростников.

— Хотите, посмотрим наши сети? — предлагает он.

Мес кивает головой и встает.

Сети тоже встает, но как-то медленнее, чем он сделал бы это раньше, услышав такое заманчивое предложение. Слишком поразила его судьба старого воина, слишком много новых мыслей возбудила она в нем.

Маи сталкивает в воду легкую тростниковую лодочку и берет весла. Все трое усаживаются в лодке, и Маи начинает быстро и ловко грести.

Лодочка легко скользит по гладкой поверхности реки. Приятно веет свежий ветерок.

Сети полной грудью вдыхает воздух. Он осматривается, и понемногу его раздумье проходит. Как хорошо на Ниле! Пыльный город остался позади. Здесь — прохлада воды, густая зелень тростников, дальше — светло-зеленый простор полей.

Прижаться бы лицом к влажным стеблям камышей, почувствовать аромат лотосов, голубых и белых, завалить бы всю лодку зеленой свежестью нильских зарослей!

— Заедем в тростники — нарвем их! — просит Сети.

Маи кивает головой, и лодочка идет к тростникам.

Вот ее нос врывается в заросли, раздвигая гибкие стебли тростников. Они качаются и шуршат над головой мальчиков, защищая их от солнечного зноя. Здесь тень. Мальчиков охватывает прохлада, пахнет лотосами.

Испуганные плеском весел, взлетают дикие утки, гуси. Пролетела голубая цапля с хохолком. А вот и длинноносый ибис с белым туловищем, черной головкой и черным хвостом. Вот и коричневый карморан с красным горлышком...

Сети наслаждается прогулкой. Он очень любит кататься по Нилу с отцом или Нахтом, но без старших ему еще ни разу не удавалось прокатиться. А как это приятно — никто не заставляет сидеть тихо и смирно, никто не запрещает нагибаться через борт лодки, окунать руки в воду чуть не до плеч, рвать все, что понравится.

И Сети с увлечением срывает то цветок лотоса, то приглянувшийся

ему камыш. Постепенно он начинает прислушиваться к тихому разговору Меса и Май.

— Много наловили вчера? — спрашивает Мес.

— Ничего, наловили порядочно, — отвечает Май.

— А как распродали?

— Продали-то тоже ничего, а вот получили мало! — усмехается Май.

— Это почему?

— А мы новые сети недавно купили, у нас крокодил старые порвал. Купили, конечно, в долг, за рыбу, и вот уже шесть дней почти весь улов и уходит для его уплаты. Зерна купить не на что. Едим только рыбу. Да вот яйца достаём здесь из гнезд, ещё отец убил пару гусей...

— Ну, это вы ещё хорошо живёте, — говорит Мес. — А вот нам так и взять неоткуда. Сетей нет, охотиться дядя не умеет, а посуду сбыть не так-то просто — очень уж много горшечников развелось в городе. А зерно-то нынче какое дорогое! Разлив-то ведь был не больно высокий — разгневался за что-то Хапи^[20].

— Да, зерно очень дорогое, — соглашается Май. — Ну, а насчёт того, что мы хорошо живём, это, знаешь ли, как сказать. Думаешь, легко рыбу-то добывать? Хорошо ещё, что крокодил на этот раз только сети порвал. А в прошлом месяце он съел одного рыбака, так у этого рыбака осталась жена и пятеро детей, а старший из них поменьше меня. Много ли он поймает? Конечно, мой отец и другие рыбаки помогают ему, но ведь дома-то у них сколько ртов? А ведь так погибнуть может любой рыбак!

Сети вздрагивает и сразу вспоминает то место из «Поучения Ахтоя», где говорится о труде рыбака, и мысленно повторяет его: «Я расскажу тебе ещё о рыбаке. Достается ему хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве не работает он на реке вперемешку с крокодилами?»

Сети давно знает все «Поучение Ахтоя» наизусть, часто отвечал его учителю, но сейчас эти строки звучат для него совсем по-новому. Они стали живыми и страшными.

— Да... — задумчиво говорит Мес. — Вот и на нашей улице на днях тоже случилась беда. Около нас живет один пекарь, печет и продает лепешки. Знаешь, как их пекут? Лепят сырыми внутри печи, по стенкам. Вот пока пекарь их лепит, его надо держать за ноги, чтобы он не упал на уголья. А тут старший сын его — заболел, а младший не удержал отца, и тот упал в печь да так обжег лицо и руки, что живого места не осталось. Хорошо ещё, хоть глаза-то успел закрыть рукой, а то ослеп бы. Теперь он лежит, работать не может. А что будет есть его семья?

Май сочувственно качает головой. Сети смотрит на Меса и думает о

семье пекаря.

Внезапно до мальчиков доносится тихий стон. Они настораживаются. Май замирает с поднятыми веслами и чуть слышно, одними губами шепчет:

— Тихо!

Стон повторяется еще и еще.

Май быстро ударяет веслами и направляет лодку влево, потом еще влево.

Стоны все слышнее. Еще удар веслами, и лодка мальчиков касается носом другой лодки, из которой и несутся стоны. Мес, сидящий на носу, хватая рукой борт лодки и заглядывает в нее, а потом прыгает туда. Май и Сети наклоняются тоже.

На дне лодки лежит, свернувшись, мальчик. По виду он одних лет с ними. Его глаза закрыты, одна рука бессильно протянута вдоль тела, другая — под головой.

Сети вглядывается в мальчика, и ему становится страшно.

Мальчик невероятно, до ужаса худой. Таких худых людей Сети никогда не видел. Кажется, что видны все его кости и что прямо на эти кости натянута кожа, а мяса совсем нет. И какая это кожа! Вся спина мальчика, его плечи, ноги — все покрыто рубцами и болячками: старыми, зажившими и еще свежими, с запекшейся кровью.

Сквозь полуоткрытые губы мальчика рвется все тот же стон.

Мес осторожно трогает его лоб, потом зачерпывает воды и поливает ему лицо. Мальчик вздрагивает, открывает глаза и дико смотрит на Меса, потом на Май и Сети.

Такого ужаса в человеческих глазах Сети тоже еще никогда не встречал, и он, желая сейчас же, во что бы то ни стало прогнать этот ужас, невольно протягивает руку и гладит плечо мальчика. Мес, без слов понимая Сети, осторожно проводит рукой по волосам мальчика. И когда тот опять смотрит на них глазами, полными страха, Мес ему широко и дружески улыбается.

Май засовывает руку за пояс, вытаскивает пару фиников и, вынув косточки, кладет один финик в рот мальчику. Тот, с трудом двигая челюстями, слегка жует и глотает. Май дает ему второй финик и достает еще два. Мес тоже вытаскивает три финика.

Сети смущен — он съел свои финики еще у костра. Май замечает его смущение и говорит:

— Ничего! Это потому, что ты просто не привык думать, будет ли у тебя еда на вечер. А мы оба об этом всегда помним. Вот мы и оставили

финики, а они, как видишь, и пригодились... Слушай-ка, ты, — поворачивается он к мальчику, — как тебя зовут и кто это тебя так отделал?

Тот качает головой.

Маи повторяет вопрос.

И тогда мальчик быстро говорит что-то непонятное хриплым, прерывающимся голосом.

— Что он сказал? — спрашивает Сети.

— Не понимаю, — отвечает Мес.

— Он не по-нашему говорит, разве не слышите! — говорит Маи.

Мес тихонько свистит и смотрит на Маи:

— Все ясно, да? Что делать?

Для Маи все, по-видимому, ясно, но Сети ничего не понимает и вопросительно смотрит на своих друзей. Но те не обращают на него внимания. Маи думает, потом решительно говорит:

— Надо взять его в нашу лодку и отвезти к моему отцу.

— А потом? — спрашивает Мес.

— Там его накормят, перевяжут и спрячут. А потом мы его возьмем к себе, когда будем возвращаться домой на север, в болота. Уж там-то, будь спокоен, никто его не найдет! — Маи весело, с хитрой усмешкой подмигивает.

— А почему не взять его вместе с лодкой? — спрашивает Мес.

— А ты думай! — внушительно говорит Маи. — Чья лодка? Разве мы знаем, где он ее взял? Увидит кто-нибудь лодку — признает ее, и тогда все пропало... Ну, давай тащи его!

Маи трогает мальчика за плечо и показывает жестами, что они перенесут его сейчас к себе в лодку, потом повезут дальше, накормят и спрячут. При этом Маи все время гладит его по плечу и, показав на его рубцы, резко качает головой, желая убедить мальчика, что его никто не будет бить и что ему нечего бояться.

Мальчик пристально смотрит на Маи. Неожиданно слабая, жалкая улыбка появляется на его лице, и он кивает головой.

— Ну, вот видишь, и сговорились! — весело говорит Маи.

Он отдает Сети весла, а сам вместе с Месом осторожно поднимает мальчика и бережно укладывает его на дно своей лодки, где лежат сорванные Сети камыши. Маи камышами закрывает мальчика, затем берет у Сети весла:

— Ну, поехали! Только — тихо!

Лодка скользит почти бесшумно. Мальчики молчат, и, лишь отойдя на порядочное расстояние, Маи начинает грести сильнее и даже насвистывает

какую-то песенку.

— Почему ты велел нам сначала молчать? И почему ты его закрыл? — спрашивает Сети.

— А чтобы нас кто-нибудь не заметил около той лодки. Ну, теперь мы уже далеко, пусть видит кто хочет, но только нас, а не его. Потому и закрыл, — отвечает Май.

— А что плохого, если бы нас там увидели? И почему его нельзя никому показывать? — допытывается Сети. — Ведь ты же его везешь к отцу!

— Ох, какой ты! — говорит Май и сильно ударяет веслом. — Ты что, ничего не понял, что ли?

— Нет, — откровенно признается Сети.

— Ну, а вот мы с Месом сразу догадались, что это чей-нибудь раб. Убежал, наверно, бедняга, от какого-нибудь богатого негодяя. Видишь, какой он избитый да голодный!

Беглый раб?! Сети сразу даже не может этому поверить. Этот мальчик — беглый раб?!

В представлении Сети, которому это внушено с детства, беглый раб — преступник, которого каждый обязан постараться поймать и вернуть хозяину; поступить иначе — значит самому сделаться преступником.

Ну, а здесь? Мальчик такой же, как они, только очень, очень жалкий. Сети никогда даже не думал, что ребенок может быть так несчастен и обижен. Ему вспоминается ужас в глазах мальчика, и сердце Сети падает.

Что же, его надо вернуть хозяину? Чтобы тот снова его так истязал?..

Щеки Сети начинают гореть. Нет, нет и нет! Мальчика нельзя возвращать хозяину! Наоборот, его надо спрятать, спасти! Мес и Май правильно поступают. И пусть Сети сам окажется преступником, но он должен помочь им скрыть мальчика!

Сети хватает свои цветы, нагибается и старательно засыпает ими мальчика поверх тростников.

Май следит за ним глазами, его лицо веселеет, и он свистит еще громче.

— Никак, понял? — спрашивает он.

Сети кивает головой и в эту минуту слышит, как Мес тихо говорит:

— Вот и со мной могло бы случиться такое. Ведь и я чуть не стал рабом!

— Ты?! Как это? — с ужасом спрашивает Сети.

И он узнает страшные вещи.

Мес раньше жил в деревне. Им жилось очень, очень плохо, с каждым

годом все хуже и хуже. Началось с того, что был низкий разлив, потом болел отец, потом один год всю жатву съели и вытоптали гиппопотамы, потом налетела саранча, а потом им уже было не выкрутиться из недоимок. И подати они не могли заплатить, и сборщикам не из чего было сделать подарок, чтобы получить отсрочку. А без подарков сборщики запутывают земледельца так, что у него оказываются еще и еще недоимки. И вот когда последний раз пришли сборщики податей, они избили отца и мать. Мать умерла от побоев, а отца сборщики увезли в тюрьму. Обо всем этом Мес узнал от соседа, когда тот приехал в город, потому что Мес уже год, как жил у дяди, куда его отправил отец, чтобы хоть он-то был сыт. А если бы Мес был дома, его бы продали в рабство за недоимки отца. И пусть бы продали, если бы его цена покрыла весь долг отца и его не взяли бы в тюрьму, а в том-то и дело, что не покроешь. Вот Мес и живет у дяди и учится быть горшечником.

Сети потрясен до глубины души.

— Но почему же твой отец не жаловался? — спрашивает он.

— Кому? — Мес смотрит с удивлением.

Сети вспоминает «Речи красноречивого земледельца».

— Начальнику вашей деревни или области, — говорит он.

Мес протяжно свистит.

— Нашел кому! Начальник деревни заодно со сборщиками, а к начальнику области попробуй-ка сунуться — стража так тебя прибьет, что второй раз сам не пойдешь. Наши пробовали! — говорит Мес.

— А как же мы читали в школе... — начинает Сети и замолкает.

— Что вы читали? — спрашивает Мес.

И Сети вкратце рассказывает о судьбе бедняка, добившегося в конце концов справедливого суда.

— Ну, это только так пишут для таких вот, как ты, — говорит Мес.

А Маи кивает головой в знак согласия.

— Чтобы вы думали, что все большие начальники судят правильно. А вот если на самом деле бедняк пойдет в суд, так его и засудят, если он судье подарка не даст. А откуда его взять-то, подарок? Нет, этим рассказам не верь, это нарочно, — убежденно говорит Мес.

— Конечно, нарочно, — поддерживает Маи.

Сети ничего не может возразить — он никогда не видел, как собирают подати, никогда не бывал в суде.

— Вот если бы я учился в вашей школе да попробовали бы при мне читать такое, я бы уж не стерпел, рассказал правду, — говорит Мес. — А то ведь у вас учатся все дети богатых да знатных людей. Вот никто из вас

ничего и не может сказать, потому что ничего-то вы по-настоящему не знаете и ни о чем не думаете.

Сети начинает вспоминать, кто же родители его товарищей. Отец Ини — писец войска, отец Хеви — начальник закромов, Мехи — сын главного военачальника, Нефер — сборщика податей, Яхмес — учителя высшей школы, Минмес — верховного судьи, отец самого Сети — писец управления царскими землями. Да, Мес прав: если и не все семьи школьников богаты, то, во всяком случае, зажиточны.

А дети бедняков? Значит, они не учатся совсем? Значит, ни Мес, ни Майи никогда не будут грамотными, не прочтут тех интересных рассказов, которые может в любое время прочесть он, не узнают всего того, о чем сегодня рассказывал Нахт? А главное, всегда так и останутся: Мес — гончаром, а Майи — рыбаком, и будут жить так же впроголодь, как сейчас?

Ведь они оба способные мальчики. Вон как Мес прекрасно лепит! Никто из товарищей Сети так не умеет. А как Майи хорошо играет на дудочке — любую песенку сразу же наигрывает! Наверно, оба они учились бы хорошо, лучше многих школьников.

Это несправедливо, очень несправедливо!

— Вы небось и сказки-то читаете всё такие, где уж если царь или жрец, так он и храбрый, и умный, и справедливый? Верно? — насмешливо спрашивает Мес.

Сети припоминает прочитанные им сказки и повести.

— Да, верно, — говорит он.

Мес усмехается:

— А вот послушал бы ты, какие сказки рассказывает про жрецов да про царей старый Себекхотеп, так узнал бы другое! Очень хорошие сказки, веселые!..

— А Себекхотеп при нем такого и не расскажет, — перебивает Майи. — Ты ведь просил его сегодня, а он взял да и рассказал про Тхутия. Ты что, не понял — почему.

— А почему? — спрашивает Сети.

— Потому что старик побоялся, чтобы ты не рассказал кому-нибудь, от кого узнал такую сказку. Тогда будет плохо и ему и тебе, — отвечает Майи.

Сети молча смотрит на них и думает, что Майи, пожалуй, прав. Старик побоялся, и побоялся не зря. Сети, конечно, мог бы повторить веселую сказку и дома и своим приятелям в школе и невольно причинил бы старому воину большие неприятности. Ну, да ничего, следующий раз Сети пообещает никому ни слова не говорить и все-таки выпросит такую сказку.

Да, а что же будет с отцом Меса? Долго ли его будут держать в

тюрьме?

И Сети спрашивает Меса:

— Когда же выпустят твоего отца из тюрьмы?

Мес этого не знает, и он думает, что этого вообще никто не знает.

— А ты что же, так потом совсем и не видел отца? — спрашивает Сети.

Мес отрицательно качает головой:

— Нет, не удалось. Мы с дядей ходили, ходили около ворот тюрьмы — так ничего и не узнали. У нас нечем было подкупить стражу, не на что было сделать и подарка начальнику тюрьмы. А как же иначе можно что-нибудь узнать бедным людям?

Мес опускает голову и молчит. Несколько минут дети гребут молча. Потом Мес перестает грести.

— Зато я там такое видел! — внезапно говорит он. — При нас вывели осужденных на работы в рудниках. Их вели к реке, чтобы отправить в далекую Нубию добывать золото в рудниках. Ох, какие это были люди! У кого уши отрезаны, у кого нос. Все в колодках, избитые, страшные... А там-то как им придется работать! Мне дядя рассказывал — их спускают под землю, глубоко, в темноту, и они должны вырубать куски камня, в которых есть крупинки золота. Там пробиты целые проходы, под землей-то...

— Как же они видят? — спрашивает Май. — Там же темно, сам говоришь.

— Им привязывают спереди светильники, — отвечает Мес.

— Чем же они рубят камень? — в свою очередь, спрашивает Сети.

— Простым ломом, чем же еще! — поясняет Мес. — Да там не только взрослые работают — там и дети есть. Они вытаскивают куски камня наверх.

— А что с камнем делают наверху?

— Наверху камни дробят в каменных ступках на мелкие-мелкие кусочки. Потом старики и женщины мелют эти кусочки под жерновом в пыль, потом эту пыль кладут на наклонную доску и поливают водой. Тогда пыль с водой стекает по доске, а крупинки золота остаются на доске — они тяжелые, понимаешь?

— А кто были эти люди? И откуда там дети, и женщины, и старики? — спрашивает Сети.

— Дядя сказал, это очень разные люди. Есть там и воры и грабители, есть и просто такие, которые ничего плохого не сделали, а их кто-нибудь оклеветал... Есть и такие, которые бранили фараона, или богатых, или

жрецов за всякие притеснения. Вот их и схватили, долго били, некоторым отрезали уши и нос да и отправили на верную смерть в рудники. С некоторыми и всю семью послали. Вот почему там и дети, и старики... Только там никто долго не выдерживает — работа уж очень страшная. Есть дают совсем мало, а бьют все время — за всеми так и ходят надсмотрщики с плетьюми...

В лодке снова наступает молчание. Сети сидит не двигаясь. Мысли его путаются, сердце громко стучит.

Жизнь неожиданно повернулась к нему незнакомой, страшной стороной, глубина человеческого горя точно придавила его.

Какими мелкими представляются ему теперь все школьные беды! Даже история с Пабесом кажется пустяком перед несчастьем, которое он сегодня узнал.

Мальчик упорно думает. Как же быть? Как помочь Месу, его отцу, семье погибшего рыбака, пекарю, маленькому рабу? Как же быть?

Потом ему приходит в голову, что, вероятно, так бедствуют не только эти люди. А носильщики зерна, которые пели про медные сердца? Как же сделать, чтобы таких несчастных людей не было?

А рабы?..

Сети до сих пор никогда не думал, что раб может быть несчастен. Ведь все люди, которым он привык верить — родные, учителя, — всегда считали раба не человеком, а вещью. Но такие глаза, какие Сети увидел сегодня у маленького раба, спящего сейчас в лодке под тростниками, — такие глаза могли быть только у очень несчастного человека.

Значит, то, что говорят люди, которым Сети до сих пор верил, — неправда? А где же правда?

Мальчик чувствует, что его мысли путаются все больше и больше. И он сидит тихо, опустив голову.

Глава X

НА КРЫШЕ ХРАМА

Тени удлиняются, и небо на западе из голубого начинает становиться золотым, когда Сети подходит к дому.

Он идет медленно; в руках у него большой букет лотосов, который ему нарвали на прощание Майи и Меса. Цветы еще сохраняют свежесть реки, и, вдыхая их запах, Сети снова видит себя на Ниле.

Какой славный отец у Майи, такой сильный и веселый! Другие рыбаки тоже хорошо встретили маленького беглеца. Теперь за него можно не беспокоиться, рыбаки сумеют спрятать его в своих заводях, куда, кроме них, никто не доберется.

Радостная улыбка маленького раба и веселое возвращение с Майи и Месом на берег даже отвлекли Сети от его раздумий.

Майи проводил их до дома Меса, и они распрощались как старые друзья и условились опять встретиться через день.

Но когда Сети пошел дальше один, какая-то смутная тревога снова поднялась в нем, да и сейчас он далеко не так спокоен и весел, как обычно.

Но вот и дом. Сети проходит прямо к Нахту и отдает ему цветы.

— Вот молодец! — говорит Нахт. — Не опоздал и столько чудесных цветов принес! Ну, иди, приведи себя в порядок и поешь, я тебя скоро позову.

Сети долго, старательно умывается, потом надевает чистую одежду и наскоро ужинает в саду, чтобы не помешать Нахту встретить на северной веранде своих товарищей по занятиям. Они обещали за ним зайти.

В саду хорошо. Жара спала, цветы пахнут сильнее. Очень тихо, только чуть шелестят листья да изредка плеснет рыбка в маленьком пруду и послышатся голоса со двора.

По всему саду точно разливается розовый свет, который все усиливается, по мере того как солнце опускается ниже и ниже. И небо на западе из золотого превращается в алое и начинает пылать багряным огнем.

Сети смотрит на закат и решает идти за Нахтом, не дожидаясь, пока брат его позовет. Но у входа на северную веранду он останавливается.

Кто это разговаривает с Нахтом? Так и есть, это молодой учитель Аменхотеп, который иногда заходит к брату. Они учились вместе и дружны, хотя Аменхотеп и старше Нахта и уже два года как окончил высшую школу.

Интересно, о чем они говорят?

Сети знает, что подслушивать нельзя, но Аменхотеп как раз произносит имя Пабеса, и тут Сети уже никак не может уйти.

— Ну, и что же было потом? — спрашивает Нахт.

— А потом было вот что, — отвечает Аменхотеп. — Когда Шедсу вернулся после уроков, мы спустились в подвал. Он повернул ключ и снял засов. В подвале никого не было. Оказалось, что кто-то проломал стенку в соседнем помещении и помог Пабесу уйти.

— Что же сделал Шедсу? — с интересом спрашивает Нахт.

И Сети замирает за дверью.

— Ну, ты сам, наверно, понимаешь, что тут было и с ним и с Миннахтом! — В голосе Аменхотепа явно звучат веселые нотки.

Нахт откровенно смеется. И вдруг Сети ясно слышит, что Аменхотеп тоже присоединяется к нему.

«Вот тебе раз! — думает Сети. — Оказывается, Аменхотеп-то совсем молодец!»

Аменхотеп встает и начинает ходить по веранде.

— Да, Пабесу повезло, — говорит Нахт.

— Хотел бы я знать, кто помог ему, — задумчиво говорит Аменхотеп. — Думаю, что это дело рук Мехи в первую очередь. Но, пожалуй, и без твоего братишки здесь не обошлось. Но, в общем-то, говоря по правде, я очень доволен, что ребятам удалось освободить Пабеса. Если бы я только знал, где он, я был бы совсем спокоен. А то дома его нет, и я не могу понять, куда они его спрятали. У вас его не было?

— Нет, — говорит Нахт.

И Сети опять замирает за дверью.

Но Нахт спокойно продолжает:

— Мне помнится, у Пабеса есть старший брат в Меннефере. Может быть, он уехал к нему?

Аменхотеп останавливается:

— А знаешь, это, вероятно, так и есть! Теперь мне все понятно. Когда я шел к дяде Пабеса, мне навстречу по западной дороге проехал Сеннеджем, возничий отца Мехи, и очень хитро посмотрел на меня. Значит, это он и увез Пабеса. Ну, и очень хорошо, все в порядке!

— Не совсем-то подходящая точка зрения для учителя! — поддразнивает друга Нахт.

Аменхотеп секунду молчит, и Сети с интересом ждет его ответа. А ответ неожиданный не только для Сети, но, кажется, и для Нахта.

— Видишь ли, Нахт, — говорит Аменхотеп, — я не хочу учить так, как

учит Шедсу: все время с окриками, с плетью. Я убедился, что от такого учения пользы мало. Мальчики так пугаются, что часто не могут ответить даже то, что хорошо выучили... Я ведь очень люблю своих мальчишек и потому никак не могу спокойно видеть, как относится к ним Шедсу...

— Да, Шедсу слишком жесток и безжалостен... — соглашается Нахт.

— Дело не только в этом! — горячо прерывает его Аменхотеп. — Гораздо хуже то, что ему все равно — любят ли они знания, поймут ли они их значение, попробуют ли стать хорошими, полезными людьми! Он требует, чтобы они научились правильно читать, писать и считать и поверили ему, что выгоднее всего на свете быть писцами — и все! Он не считается с их склонностями, не развивает способностей, не исправляет недостатков, кроме лени и грубости — это он исправляет плеткой! Потом, я совсем не могу выносить того, как Шедсу спускает все самым богатым и знатным ученикам. Вот возьми Пасера — ведь это уже сейчас маленький негодяй, который нагло пользуется положением отца, учится очень плохо, часто вообще пропускает занятия, а Шедсу ему все прощает.

— Ну, что же ты хочешь? — возражает Нахт. — Шедсу поступает так, как делают все чиновники. Помнишь, как говорится в поучении: «Гни спину перед твоим начальником, и твой дом будет полон богатства»? Шедсу так и делает. Все это так, я же знаю: тоже у него учился. Но ведь так учат везде и так учили всегда — вспомни все поучения, которые мы выучивали наизусть! Разве у вас в Фивах было иначе?

— И в Фивах было, конечно, в общем, то же. Но не все учат так, в этом ты неправ. Вспомни о старом Ани — вот это учитель! И мне в Фивах посчастливилось первый год в высшей школе учиться у такого же замечательного человека. Я на всю жизнь запомнил наставления мудрого Кенамона и всегда буду стараться подражать ему и Ани, под руководством которого я кончал школу, здесь, в Перрамессу. Уж второго Шедсу из меня не выйдет, нет, хотя я только младший учитель и должен ему повиноваться и очень мало могу пока помогать мальчикам.

Сети хочется сказать молодому учителю, что все ученики очень любят его, а теперь Сети полюбил его еще сильнее. Но ничего этого сказать нельзя, и Сети тихо отходит от двери.

Ждать придется недолго. Сети вскоре слышит веселые голоса, короткий разговор и смех на веранде, затем в дверях появляется Нахт и зовет его.

Сети выходит с братом на веранду. Он вежливо кланяется трем сверстникам Нахта и замечает, что Аменхотепа уже нет.

Товарищи Нахта весело здороваются с Сети, и все пятеро выходят на

улицу, направляясь к центру города.

Солнце уже почти закатилось, и темнота быстро окутывает город.

— Слушай, Гори, за что это тебя сегодня после занятий так бранил учитель Райя? — спрашивает один из товарищей Нахта — невысокий, плотный Птахмес.

— В общем, бранил за дело! — весело отвечает Гори, стройный, тонкий юноша, одного роста с Нахтом. — Он мне велел написать наизусть «Поучение царя Аменемхета его сыну Сенусерту», а я в самом конце вставил две строки из «Жалоб Ипувера». Вот Райя и объяснял мне два часа, какой я осел!

Юноши весело смеются. Смеется и Сети. Оказывается, и такие большие ученики ошибаются и их бранят учителя!

Однако дальше разговор на некоторое время становится для Сети неинтересным, потому что юноши говорят о занятиях вавилонским языком, о котором Сети не имеет ни малейшего представления. Он только понимает, что этот язык лучше всех усваивает третий товарищ Нахта, Инени, который собирается после окончания школы стать переводчиком при управлении внешними сношениями.

— Нет, я не собираюсь выбирать себе должность, для которой надо так много дополнительно учиться, как ты, Инени, или как Нахт, который готов целыми ночами смотреть на небо, а все свободное время рисовать всякие звезды и высчитывать их движение! — беспечно говорит Гори. — Я учу ровно столько, сколько требует учитель. А потом отец устроит меня писцом в управление царскими виноградниками, и пойдет у меня спокойная и веселая жизнь!

— Вина вволю, а больше ничего и не надо? — насмешливо спрашивает Нахт. — Ну, а я как раз ни за что не хочу стать писцом какого-нибудь управления, как мой отец или отец Гори. Я хочу узнать все больше и больше, хочу находить все новые звезды на небе, новые пути на земле, новые рудники под землей!

— Согласен, Нахт, я тоже хотел бы этого, — говорит Птахмес.

Сети задумывается: а кем он хочет быть? Но прежде чем он успевает что-нибудь придумать, они уже подходят к воротам храма.

Предупрежденные привратники пропускают их.

Вот они на огромном дворе, со всех сторон обнесенном колоннадами. Юноши идут направо, проходят по боковой колоннаде и, войдя в небольшую дверь, начинают подниматься по каменным ступеням лестницы.

Сети немного робеет и старается держаться поближе к Нахту. Какая

длинная лестница! Сети громко дышит, карабкаясь по крутым ступеням, и думает только о том, чтобы не запнуться и не упасть.

Внезапно лестница кончается, и они оказываются на крыше храма. То, что Сети видит перед собой, глубоко поражает его.

Далеко внизу лежит город, который кажется ему сейчас таким необычным, незнакомым. Он сначала совсем не может разобраться в лабиринте улиц и крыш, к тому же еще плохо различаемых в последнем отблеске почти угасшей зари.

Но вот исчезает и этот отблеск, и сразу же город тонет во мраке.

Сети поднимает голову. Небо уже совсем черное и все усеяно звездами. Когда же они появились? Как их много и какие они разные — большие и маленькие, очень яркие и чуть мерцающие! Знает ли кто-нибудь, сколько их?

Сети поворачивается к Нахту и тихо зовет его, а когда Нахт подходит, так же тихо спрашивает:

— Ты знаешь, сколько всего звезд на небе?

Нахт улыбается:

— Нет, не знаю, маленький, и никто этого не знает, потому что сосчитать их невозможно.

— А какие звезды ты знаешь? Где Нога Быка?

— А вон она! Видишь эти четыре большие звезды, а от них вправо еще три? Вот это и есть Нога Быка.

— Вот так, да? — Сети водит пальцем от звезды к звезде. — Вижу!.. Как интересно! Покажи еще что-нибудь.

— А вот посмотри сюда. Опять семь звезд, видишь? Только они ближе друг к другу, чем в Ноге Быка. Это Бегемотиха. А за ней — Крокодил.

Нахт показывает Сети самые заметные звезды и невольно увлекается, рассказывая о них.

Внезапно в темноте загорается небольшой огонек светильника, второй, третий. Это Птахмес зажигает их, приготавливая все нужное для занятий.

Сети оборачивается на свет и рядом с Птахмесом видит стоящий на высокой подставке странный сосуд — круглый, но суживающийся книзу.

Несмотря на слабое пламя светильника, Сети все-таки замечает, что стенки сосуда покрыты иероглифами. Он подходит ближе и слышит легкое журчание, как будто откуда-то льется тонкая струя воды. Сети вглядывается: действительно, снизу из сосуда вытекает вода, падая в особую чашу.

— Нахт, что это такое? Почему льется вода? Что, в нем дырка?

— Нет, это отверстие сделано нарочно, — отвечает Нахт. — Это часы.

— Как — часы?

— Очень просто, водяные часы. Ты ведь умеешь узнавать время днем по солнечным часам? Но ведь ночью солнца нет. Значит, и солнечные часы уже не годятся для ночи. Вот поэтому и были придуманы другие часы, водяные. Подойди к ним и загляни внутрь.

Сети заглядывает в сосуд. На его внутренней стенке вырезаны какие-то точки. Нахт объясняет мальчику, что вода вытекает из сосуда постепенно, а точки сделаны на тех местах, где оказывается уровень воды через каждый час. Таким образом, заглянув в сосуд и посмотрев на точки, всегда можно сразу же узнать, который час.

— А почему сосуд не ровный, почему он книзу суживается? — спрашивает Сети.

— Потому что если он был бы ровный, то чем меньше в нем оставалось бы воды, тем медленнее бы она вытекала, и тогда нельзя было бы узнать правильное время. Вот уже около четырехсот лет, как один человек, по имени Аменемхет, изобрел такие часы, и с тех пор ими пользуются во всем Египте.

К Нахту подходит Птахмес и, протягивая ему какие-то вещи, говорит:

— Вот тебе отвес и дощечка, Нахт! Давай выберем себе места, пока еще не пришли жрецы и учитель.

— Хорошо, — отвечает Нахт и берет у Птахмеса принесенные им предметы.

— Что это такое? — спрашивает Сети.

— Сейчас увидишь. Иди за нами и смотри!

Нахт и Птахмес смотрят на небо, о чем-то советуются и наконец садятся друг против друга.

— Мы должны сидеть с Птахмесом так, чтобы от моего глаза через его голову шла как будто прямая линия к Бегемотихе. Понимаешь, Сети? — объясняет Нахт брату, продолжая вглядываться в звезды.

Сети садится рядом с Нахтом. Тот держит в одной руке расщепленную дощечку, а в другой палочку, к концу которой нитью привязано грузило. Это и есть отвес. Нахт смотрит в щелку дощечки. Он держит отвес так, что через щелочку можно видеть нить этого отвеса, нить такого же отвеса, что держит Птахмес, и крайнюю звезду Бегемотихи^[21].

— Подвинься немного вправо, Птахмес, — говорит Нахт. — Вот хорошо. Теперь я знаю, что за тобой — север, а за мною — юг. Тут и будем потом сидеть. Положим здесь наши отвесы и поставим светильники. Тогда мы сразу же найдем наши места, когда придет учитель.

— Хорошо. А вот, кажется, он уже идет!

Юноши быстро оборачиваются и склоняются в поклоне. Сети прячется в самый темный угол и тоже низко кланяется.

Когда он поднимает голову, то видит, что на крышу вошли несколько человек. Здесь и учитель Нахта — Райя, высокий, худощавый писец лет пятидесяти, и его помощник Неферхотеп, и группа жрецов. К своей большой радости, Сети замечает и знакомую фигуру старого Ани.

Из своего уголка Сети видит, как садятся Нахт и Птахмес, а недалеко от них — Инени и Гори, как учитель Райя и Неферхотеп проверяют, правильно ли они сидят; мальчик видит, как молча, такими же парами рассаживаются жрецы.

Один только Ани не садится; он подходит к широкой каменной ограде, окружающей крышу, и, опираясь на нее, устремляет взгляд в небо.

Все тихо. Изредка то Нахт, то Инени что-то пишут на лежащих около них свитках, и опять тишина.

Сети становится скучно. Он тихонько выходит из своего уголка и крадется вдоль ограды к южной стороне крыши, подальше от взрослых, чтобы им не помешать.

Облокотившись на ограду и подперев голову руками, он долго смотрит вдаль. Красота ночи охватывает его, он с наслаждением вдыхает прохладный воздух и смотрит то на яркие звезды, то в глубокую темноту внизу.

Но вот на его плечо мягко опускается рука, и тихий голос старого Ани произносит над его головой:

— Ты пришел сюда с братом, сын мой? Это похвально. Хорошо привыкать к звездам с юности!

Сети даже не успевает испугаться — так бережно и ласково говорит с ним старый писец, так приятно чувствовать на плече его сухую, но теплую и дружескую руку.

Они оба некоторое время молчат, потом Ани протягивает руку вперед и спрашивает:

— Знаешь ли ты, сын мой, что находится там, впереди нас?

Маленький Сети соображает, что старик указывает на юг, и говорит:

— Там почти весь Египет, господин, там и Он, и Абджу^[22], и Уасет, а совсем далеко — Нубия.

— Хорошо, сын мой. А теперь идем сюда.

Старик, слегка опираясь на плечо Сети, ведет его к западной стороне крыши и, снова протягивая руку вперед, спрашивает:

— А что находится там?

После первого удачного ответа Сети уже уверен, что он правильно

разбирается в окружающем пространстве, и поэтому он отвечает, не колеблясь:

— Там Меннефер, господин, там великие пирамиды.

— Так, правильно. Пойдем дальше!

Сети уже сам идет теперь к северной ограде крыши и, не дожидаясь вопроса Ани, говорит:

— А там болота и Великое Зеленое море.

Старый писец долго стоит молча и потом задумчиво говорит:

— Обширна и богата наша страна! Обильна она и хлебом, и плодами, и скотом. Не сосчитать ни рыб в Ниле, ни птиц в его зарослях, ни газелей и антилоп в пустыне. Велики и сокровища наших гор — прекрасные камни, золото, всякая руда. Искусен наш народ — далеко славятся наши ткани, стекло, папирус и иные изделия...

Старик замолчал, потом продолжал совсем тихо;

— Но как же ты беден, как же ты обездолен, народ мой! Непосильны тяготы твои, невыносимы твои страдания. На твоей плодороднейшей земле тебя мучает голод, и вместо радости от изобилия ее плодов ты не осушаешь слез...

Старый писец, по-видимому, совсем позабыл о мальчике, на плечо которого он все еще опирается.

А мальчик жадно, всем своим существом вслушивается в горькие слова старика, так неожиданно повторяющие его собственные мысли, на которые он так и не нашел ответа.

А что, если Ани сможет ему ответить? Ведь он самый ученый и умный! Спросить его?

Сети решительно поднимает голову и негромко произносит:

— А как сделать, чтобы никто не страдал, господин?

Ани с удивлением опускает взгляд и видит устремленные на него блестящие черные глаза. Эти глаза смотрят с такой надеждой и с таким глубоким чувством, что старый писец сразу понимает, как сильно взволнован мальчик.

— А почему ты меня об этом спрашиваешь, сын мой? — говорит Ани. — Что ты знаешь о жизни народа?

Сети начинает говорить, может быть, не слишком связно, но зато очень горячо. Услышанные им слова старого писца, доброта его глаз, весь его облик вызывают у мальчика такое доверие, что он рассказывает обо всем: о Месе и о старом воине, о семье Меса, о носильщиках зерна, о Маи и об осиротевшей семье рыбака, о пекаре и о дорогом зерне, которого нельзя купить бедняку, о жестоких сборщиках податей, о недоступных

начальниках, о продажных судьях, и наконец, даже о маленьком рабе.

Но, рассказав, как они отвезли его к рыбакам, Сети запинаясь, потом совсем останавливается и вопросительно смотрит на старого писца.

— Продолжай, сын мой, — ласково говорит тот.

Но Сети молчит, и Ани, понимая, что именно мешает мальчику говорить, приходит ему на помощь:

— Ты не должен бояться рассказывать мне, сын мой. Ты и твои друзья поступили хорошо.

— Но мы ведь помогли ему убежать! — робко говорит Сети.

— Я слышал, сын мой, и говорю тебе, что вы сделали хорошее дело, ибо и он человек.

Сети, не веря своим ушам, смотрит на Ани широко раскрытыми глазами. Тогда старый писец берет его за руку и ведет к восточной ограде крыши:

— Иди сюда, сын мой. Там, за Нилом, как ты знаешь, близко граница. И вон там-то, за пределами Египта, в пустынях и горах Ретену, четыре тяжелых, мучительных года я был рабом...

Сети замирает и ничего не решается спрашивать. Но старик продолжает сам:

— Я был тогда молод и был писцом в войсках фараона Сети-Менмара, отца нашего фараона Рамсеса. Меня ранили, и я попал в плен к кочевникам. И вот когда я сам оказался рабом, я и понял, сын мой, что и раб — человек! Годы рабства многому научили меня, и о многом я стал думать иначе, чем думал прежде. Мне посчастливилось, и я бежал. Не буду рассказывать тебе, как все это было. Вспомни о Синухете^[23], и ты поймешь, что я тогда испытал. Я тоже чуть не умер от жажды в пустыне, воистину «я задохнулся, мое горло пылало, и я сказал: это вкус смерти!»^[24]. Но я все-таки спасся и с тех пор никогда не забываю того, что передумал в те годы. Вот теперь ты поймешь, почему я и говорю, что вы поступили хорошо. Продолжай же, сын мой, и расскажи мне все, что с тобой было и о чем ты сейчас думаешь.

Да, теперь Сети ничего не боится и откровенно делится со стариком своими думами.

Кончает он тем же вопросом, которым и началась их беседа.

— Я не знаю, сын мой, как сделать, чтобы никто не страдал, — медленно отвечает старик. — Не знаю, ибо вижу, что те, кто правит народом, думают о себе и своем богатстве, а сам народ не имеет сил свергнуть их власть. Не раз пытался он добиться лучшей доли. Я читал описания грозных восстаний^[25], но пока не удавалось еще народу стать

хозяином своей судьбы. И как сделать, чтобы удалось, не знаю...

Наступает долгое молчание. Наконец Сети прерывает его:

— Что же делать, господин? Как лучше жить? Вот учитель Шедсу твердит нам, что мы должны сделаться писцами, потому что писцы всеми управляют и им хорошо живется. Но ведь выходит, что писцы всех притесняют? Тогда я не хочу быть писцом. А ведь меня заставят. Как быть? Может, не надо учиться?

Старый Ани опять кладет руку на голову Сети:

— Слушай меня внимательно, сын мой, и постарайся понять, хотя ты еще и мал. Неправильно было бы тебе отказаться от знаний. Но и пользоваться ими только для того, чтобы получить выгодную должность и богатеть, притесняя других, — великое преступление. Учись же, сын мой, но не забывай никогда того, о чем ты впервые задумался сегодня. Помни, что каждый, кто окажется в тяжелой нужде и придет к тебе за помощью, — такой же человек, как и ты. И если в твоей власти облегчить ему жизнь — сделай это. Всегда поступай справедливо, будь неподкупен! Освободи другого, когда ты находишь его связанным! Будь защитником угнетенному! Если придет к тебе бедняк — помоги ему. А если ты будешь обладать даром писания — передай свои мысли другим! Ты ведь сам знаешь, что имена людей, которые учат других добру, не забываются никогда. Мудрая речь лучше, чем драгоценный зеленый камень, а ведь ее находят и у рабынь, мелющих зерно. Будь же справедлив и честен, сын мой, помни о страданиях народа и учи других поступать так же! И хотя я не знаю, когда прекратятся тяготы людей, но все-таки знаю твердо, что настанет такое время, когда люди не позволят больше мучить людей!

Сети с восторгом смотрит на вдохновенное лицо старого писца. Глаза Ани, устремленные вдаль, горят ярким блеском, его рука твердо опирается на посох.

И Сети крепко прижимается к этой руке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказки и рассказы, которые напечатаны в приложении к повести «День египетского мальчика», — это переводы настоящих древнеегипетских сказок и рассказов. Все они были много сотен лет назад написаны в Египте — на папирусах, глиняных черепках, обломках камня. Археологи находили эти рукописи во время раскопок, часто совсем неожиданно.

Из года в год на западном берегу Нила, в горах, недалеко от знаменитой столицы Древнего Египта — города Фив, велись раскопки. Здесь в пустынных скалах, почти лишенных растительности, было обнаружено много гробниц, вырубленных в камне более трех тысяч лет назад. Среди этих гробниц нашли одну, которая принадлежала египтянину, архитектору Сенноджему, жившему в XIV веке до нашей эры, то есть почти три с половиной тысячи лет назад. Гробница была украшена прекрасными росписями: археологи увидели на стенах написанные яркими красками портреты самого Сенноджема и его жены. В гробнице было найдено много разнообразных вещей: кресла, сосуды, целый набор инструментов архитектора — отвесы, линейки, меры длины.

Но самой интересной находкой оказался большой кусок известняка, в метр длиной и в двадцать два сантиметра шириной, покрытый какой-то египетской надписью. Каково же было удивление археологов, когда оказалось, что это отрывок из древнеегипетской повести о приключениях египтянина Синухета!

В другой гробнице нашли небольшой деревянный ящичек. На его крышке был нарисован черный шакал. Ящик открыли и увидели в нем много папирусов. Но когда ученые попробовали их развернуть, то оказалось, что папирусы от времени стали такими хрупкими, что при прикосновении почти рассыпались в пыль. Поэтому над папирусами пришлось долго работать, пока удалось их закрепить, развернуть и прочесть. Среди найденных здесь папирусов были две повести — «Речи красноречивого земледельца» и уже знакомые нам приключения Синухета.

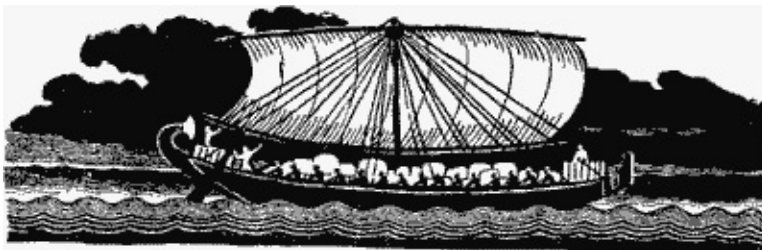
Еще до этих находок ученым были известны некоторые рукописи с литературными произведениями древних египтян. Постепенно стали появляться новые.

Иногда людям, путешествовавшим по Египту, удавалось случайно купить интересный папирус у торговцев древностями. Так был куплен папирус, на котором тоже была написана «Повесть о Синухете». Этот папирус теперь хранится в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Случалось, что ученые находили в архивах музеев неизвестно когда и кем купленные папирусы. В Эрмитаже, в Ленинграде, был обнаружен папирус с интереснейшей «Сказкой о потерпевшем кораблекрушение».

Но до нас дошло лишь немного из того, что когда-то было создано египетским народом. Много папирусов погибло, часть еще не найдена, а сказки, высмеивающие фараонов, вельмож и жрецов, вообще не могли быть записаны в те времена и передавались устно. Но и те папирусы, которые мы можем теперь прочитать, говорят нам о высокой культуре египтян, о богатстве их литературы. В этом приложении вы можете прочесть некоторые египетские сказки и повести — те самые, которые читали и переписывали в школах египетские мальчики, как об этом и рассказано в книге.

Сказка о потерпевшем кораблекрушение

(Папирус с текстом «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» хранится в Государственном Эрмитаже, в Ленинграде)

Сказал дружинник верный:

— Пусть успокоится твое сердце, мой князь! Вот мы достигли родины. Воздают хвалы, благодарят бога, все люди обнимают друг друга.

Наш отряд пришел целым, нет убыли в нашем войске. Вот мы пришли в мире и достигли нашей страны.

Выслушай же меня, мой князь! Я расскажу тебе нечто подобное, случившееся со мною самим. Раз я отправился к руднику царя. Я спустился к морю в корабле ста двадцати локтей длиной и сорока шириной. Было на нем сто двадцать матросов из отборнейших Египта: видали они небо, видали они землю, и храбры были их сердца более, чем у львов. Они предсказывали ветер, пока он еще не выйдет, и бурю, пока она еще не случится.

Но ветер вышел, когда еще мы были в море, прежде чем мы коснулись земли. Поднялся вихрь, он повторился, и в нем была волна восьми локтей.

Вот бревно! Я схватил его. Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого.

Я был выброшен морской волной на остров. Я провел на нем три дня в одиночестве, и только мое сердце было моим товарищем.

Я заснул под сенью дерева. Затем я отправился поискать себе пищи.

Я нашел там смоквы и виноград, всякий прекрасный чеснок, плоды кау там и плоды некут, огурцы какие только бывают, рыбы там и птицы, и нет ничего такого, чего бы на нем не было.

Я насытился и положил еще на землю, ибо слишком много было на

моих руках. Я добыл огниво, сделал огонь, сотворил жертву богам. Я услышал громкий голос и подумал, что это морская волна. Деревья закачались, земля затряслась. Я открыл свое лицо и увидел, что это шел змей. Он был тридцати локтей, а его борода — больше двух локтей. Его тело было украшено золотом, а брови — из настоящего лазурита.

Он обратился ко мне, в то время как я лежал на животе перед ним. Он сказал мне:

«Кто тебя принес, кто тебя принес, малый, кто тебя принес? Если ты будешь медлить, говоря мне, кто тебя принес на этот остров, то я дам тебе почувствовать, кто ты такой: ты превратишься в пепел и станешь как нечто невидимое. Ты говоришь мне, но я не слышу этого, и хотя я перед тобою, я не понимаю!»

Он взял меня в рот, отнес меня к месту своего отдыха, положил меня, не повредив мне, я был цел, не было ничего отнято от меня.

И он обратился ко мне, а я лежал на животе перед ним. И он сказал мне:

«Кто тебя принес, кто тебя принес, малый, кто тебя принес на этот морской остров, берега которого в волнах?»

Я ответил ему так, а мои руки были протянуты перед ним. Я сказал ему:

«Я спустился к руднику, как посол царя, в корабле ста двадцати локтей длиной и сорока локтей шириной, и было сто двадцать матросов в нем из отборнейших Египта. Они предсказывали ветер, пока он еще не выйдет, и бурю, пока она еще не случится. Сердце каждого из них было храбрее и рука была сильнее, чем у другого, и не было глупца среди них. Но ветер вышел, пока мы еще были в море, прежде чем мы коснулись земли. Поднялся вихрь, он повторился, и в нем была волна восьми локтей.

Вот бревно! Я схватил его. Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого, кроме меня. И вот я — рядом с тобой: я был заброшен морской волной на этот остров».

Он сказал мне:

«Не бойся, не бойся, малый, не пугайся! Ты достиг меня, вот бог дал тебе жизнь, он принес тебя на этот остров Духа, где нет ни в чем недостатка, ибо он полон всяких прекрасных вещей. И вот ты проведешь месяц за месяцем, пока окончишь четыре месяца внутри этого острова. И придет корабль из столицы с матросами на нем, которых ты знаешь, и ты отправишься с ними в столицу... Если ты силен, то укрепи свое сердце, и ты обнимешь своих детей, поцелуешь свою жену, увидишь свой дом, а это лучше всех вещей.

Ты достигнешь столицы и будешь в ней среди своих братьев!»

Я распростерся на животе и коснулся почвы перед ним. Я сказал ему:

«Я расскажу о твоей силе царю, я сделаю, что он узнает твое величие... Тебя прославят в столице перед лицом совета всей страны. Я тебе зарежу быков как жертву, я тебе заколю птиц! Я велю привести к тебе лады, нагруженные всем прекраснейшим Египта!»

Он мне сказал:

«После того как ты удалишься от этого места, ты никогда не увидишь этого острова, ибо он превратится в волны».

И пришел корабль, как он предсказал раньше. Я отправился, влез на высокое дерево и узнал находившихся в нем. И я отправился, чтобы известить об этом змея, и он уже знал это.

Он мне сказал:

«Возвращайся здоровым, возвращайся здоровым, малый, к твоему дому, да увидишь ты своих детей, да сделаешь мое имя славным в твоём городе! Вот мое пожелание тебе!»

Я упал на живот и согнул перед ним свои руки. Он дал мне дары. И я нагрузил их на этот корабль.

И вот я распростерся на животе, чтобы поблагодарить его.

Он мне сказал:

«Вот ты достигнешь столицы через два месяца, и ты обнимешь своих детей!»

Я спустился на берег и позвал матросов, которые были на этом корабле. Я воздал на берегу хвалу господину этого острова, и те, которые находились со мной, сделали то же.

Мы поплыли к северу, к столице царя, и мы прибыли в столицу через два месяца — так, как он сказал.

И я вошел к царю, поднес ему дары, которые я привез с этого острова, и он поблагодарил меня перед лицом совета всей страны.

Я был сделан дружинником и награжден его людьми.

Волшебник Деди

Краткое содержание предыдущей части папируса: фараон Хуфу (Хеопс) скучает. Чтобы развлечь отца, его сыновья по очереди рассказывают ему занимательные истории про мудрецов и волшебников, живших во времена предков фараона. Последним встает для такого рассказа царевич Хардедеф.

Встал царевич Хардедеф, чтобы рассказывать, и громко сказал:

— До сих пор ты слушал рассказы о том, что знали предки. Неизвестно, правда ли это. Но вот есть волшебник, живущий в твоё собственное время!..

Его величество сказал:

— Кто он, Хардедеф, сын мой?

Царевич Хардедеф сказал:

— Это горожанин, по имени Деди, и живет он в Джед-Снофру. Это горожанин ста десяти лет от роду, и он съедает по пятисот хлебов и мяса бычьего бедра и выпивает десять кружек пива вплоть доныне. И он умеет снова приставить отрубленную голову, и он умеет заставить льва идти позади себя, причем его веревка лежит на земле... [\[26\]](#)

Его величество сказал:

— Ты сам, Хардедеф, сын мой, приведи его ко мне!

Тогда приготовили ладьи для царевича Хардедефа, и он отправился вверх по Нилу, в Джед-Снофру. После того как ладьи пристали к дамбе, он отправился на берег и сел на носилки из эбенового дерева, украшенные золотом.

И после того как они дошли до Деди, опустили носилки, царевич встал, чтобы приветствовать Деди. Царевич нашел его лежащим на циновке на дороге дома, и один слуга держал его голову и натирал ее, а другой натирал ему ноги.

И царевич Хардедеф сказал:

— Привет, о почтенный! Я пришел сюда, чтобы позвать тебя, как посланник отца моего Хуфу.

И Деди сказал:

— В мире, в мире, царевич Хардедеф, возлюбленный своим отцом! Да хвалит тебя твой отец Хуфу! Да выдвинет он твоё место среди старейшин! Да поборет твой дух твоих врагов!.. Привет, царевич!

Царевич Хардедеф протянул ему свои руки, поднял его и отправился к дамбе, дав ему свою руку.

И Деди сказал:

— Пусть дадут мне корабль, чтобы он привез мне моих детей и мои книги!

Ему доставили два корабля с командами, и Деди отправился вниз по Нилу в ладье, в которой был царевич Хардедеф. И после того как он достиг столицы, царевич Хардедеф вышел, чтобы сообщить об этом его величеству царю Хуфу.

Царевич Хардедеф сказал:

— О царь, господин мой! Я привел Деди.

И его величество сказал:

— Пойди и приведи его ко мне!

Его величество прошел в тронный зал дворца, и к нему привели Деди.

Его величество сказал:

— Как это, Деди, я тебя еще не видел?

И Деди сказал:

— Тот, кто позван, приходит. Царь позвал меня — и вот я пришел.

Его величество сказал:

— Правда ли, говорят, будто ты умеешь приставить отрубленную голову?

Деди сказал:

— Да, я умею, о царь, господин мой!

Его величество сказал:

— Пусть приведут ко мне узника, который в темнице, да исполнится его казнь!

Но Деди сказал:

— Не на человеке, о царь, господин мой! Вот не прикажут ли сделать нечто подобное на скоте?

И привели к нему гуся, и отрубили ему голову. И положили гуся в правую часть зала, а его голову — в левую часть зала.

И Деди произнес волшебные изречения. И вот гусь встал и заковылял, и голова также. И после того как один достиг другую, гусь встал и загоготал.

И он заставил принести себе утку и сделал подобное же.

(После этого Деди повторяет еще раз то же с быком, а затем показывает, как лев ходит за ним следом без привязи.)

Повесть о Синухете

Родовитый князь, судья, начальник владений царя в землях азиатов, действительно известный царю, любимый в его свите, Синухет говорит:

— Царь Верхнего и Нижнего Египта Аменемхет^[27] восшел на небо, соединился с солнцем.

Столица была в безмолвии и сердца в печали; великие врата были закрыты; придворные склонили головы на колени; народ был в стенаниях.

Войско же отослал его величество еще раньше в землю Тимхи, и его старший сын, Сенусерт^[28], был во главе его. Он был послан, чтобы нанести удар. И он шел и вел пленных и всякого скота без счета.

Семеры^[29] же двора послали, чтобы дать знать царевичу о событиях, случившихся во дворце. Послы нашли его в пути, они его настигли к ночи. Он не медлил ни минуты, кобчиком полетел со своей свитой и не дал знать своему войску.

Но вот послали и к другим царским детям, бывшим позади него в этом же войске, и позвали одного из них. Вот я стоял и слышал его голос, пока он говорил, — я был недалеко^[30]. Мое сердце смешалось, мои руки распростерлись, дрожь пала на все мои члены. Я удалился прыжками, чтобы найти место, где спрятаться. Я поместился между двумя кустами, чтобы оставить дорогу идущим по ней.

Я отправился к югу, но не собирался достигнуть столицы, ибо я думал, что будет смута, и не надеялся жить после этого.

Я переправился через озеро и пристал к острову Снофру. Я провел там время в открытом поле и отправился на рассвете, едва начался день.

Когда настало время ужинать, я достиг селения Гау. Я переправился в ладье без руля с помощью западного ветра и прошел к востоку. Я направился к северу и достиг Стены Князя, сделанной для сопротивления азиатам. Я пригнулся в кустах в страхе, что меня увидят стражники-часовые со стены. Я отправился ночью. На меня напала жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало, и я сказал: это вкус смерти!

Тогда я ободрил свое сердце и овладел собою. И я услышал голос мычащих стад и увидел азиатов. Вождь их, бывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, вскипятил мне молока; я отправился с ним к его племени, и они хорошо поступили со мной.

Я направился в Библ и проследовал до Кедема. Я провел там полтора года. И увел меня Амуэнши, князь Верхнего Ретену, и сказал мне:

«Тебе будет со мной хорошо, ты услышишь египетскую речь!»

Он мне это сказал, ибо он знал мои качества и слышал о моем разуме, потому что обо мне засвидетельствовали египтяне, бывшие там с ним. Он сказал мне:

«Останься со мной, и я хорошо поступлю с тобою».

Он поставил меня во главе своих детей и женил меня на своей старшей дочери. Он дал мне выбрать из отборнейшей его земли, которая у него была на его границе с другой страной.

Земля эта была прекрасна, ее имя было Иаа. В ней были смоквы и виноград, больше в ней вина, чем воды. Обилён её мед, и многочисленны её маслины и всякие плоды на её деревьях. Там была пшеница и полба и не было предела различным стадам.

Он поставил меня начальником отборнейшего племени в стране. Мне доставляли хлеба и вино каждый день, вареное мясо и жареную рыбу. Доставляли мне множество вещей и всячески приготовленное молоко.

Я провел много лет, и мои дети стали силачами, каждый из них — повелитель своего племени.

Посол, направлявшийся на север или на юг к столице, гостил у меня, ибо я оказывал гостеприимство всем. Я давал воду жаждавшему, ставил заблудившегося на дороге, спасал подвергавшегося нападению.

Любая страна, против которой я делал набег, бывала изгнана со своих пастбищ и колодцев; я угонял её стада и уводил её жителей, отнимал их пищу, убивал в ней её людей — моей сильной рукой, моим луком, моими нашествиями, моими искусными замыслами.

Пришел однажды силач страны Ретену, вызвал он меня из моего шатра. Он был сильнейшим, не было подобного ему. Он сказал, что будет биться со мной, он думал победить меня, он замышлял увести мои стада, по совету своего племени.

В течение ночи я натянул свой лук, испытал свои стрелы, вынул свой кинжал и вычистил свое оружие. Когда рассвело, он пришел ко мне. И я стал рядом с ним.

Все сердца горели за меня. Женщины и мужчины кричали. Все сердца болели за меня, они говорили:

«Неужели есть другой силач, чтобы биться с ним?»

И вот его щит, его боевой топор, пучок его дротиков упали после того, как я избежал его оружия и дал его стрелам миновать меня. Когда их не осталось, один пошел на другого.

Он бросился на меня. Я выстрелил в него, и моя стрела застряла в его шее. Он завопил и упал ничком. Я его поразил его же собственным боевым

топором и издал свой победный клич на его спине. Каждый азиат закричал, а его слуги оплакивали его. Князь Амуэнши обнял меня.

Я унес его вещи, угнал его скот. То, что он замышлял против меня, я сделал против него.

Я захватил то, что было в его шатре, опустошил его двор.

Обо мне сказали величеству царя Верхнего и Нижнего Египта Сенусерту, о положении, в котором я нахожусь. И вот его величество послал ко мне указ с подарками... Этот указ дошел до меня, когда я стоял посреди своего племени. Он был мне прочитан, и я упал на живот, коснулся почвы и провел ею по своим волосам. И я ходил кругом по двору, радуясь и говоря:

«Как же прекрасно это для твоего слуги, сердце которого увлекло его в чужую страну!..»

Мне было позволено провести день в стране Иаа для передачи моих вещей моим детям. Мой старший сын встал во главе моего племени, и все мое имущество в его руке, и моя челядь, и мой скот, и мои плоды, и все мои плодовые деревья.

Я отправился на юг. Начальник, который был там во главе пограничников, послал посольство в столицу, чтобы дать знать.

Тогда я отправился и поплыл, пока не достиг города Иттауи^[31]. И когда рассвело и настало утро, пришли и позвали меня. Десять человек сопровождало меня ко дворцу.

Я коснулся лбом земли между сфинксами. Царские дети стояли в воротах, встречая меня, и семеры, допущенные в зал, указали мне путь к Залу Приемов.

Я нашел его величество на великом троне, и я распростерся на животе и не помнил себя перед ним. Этот бог обратился ко мне милостиво, а я был подобен человеку, которого схватили в темноте: моя душа ушла, мое тело дрожало, моего сердца не было в моем теле, и я не мог отличить жизнь от смерти.

Его величество сказал одному из семеров:

«Подними его, пусть он говорит мне».

Приказали привести царских детей, и его величество сказал царице:

«Вот Синухет пришел, подобный азиату!»

Она издала громкий крик, и царские дети вскрикнули вместе. Они сказали его величеству:

«Воистину это не он, о царь, владыка наш!»

И сказал его величество:

«Это действительно он!»

Годы были сброшены с моего тела, я был выбрит, мои волосы причесаны. Я вернул пыль пустыне и оделся в мягкую ткань и умастился прекрасным маслом, а ночью спал на кровати.

Мне был дан дом начальника, как подобает начальнику округа, каким владеет семер. Над ним трудилось много строителей, и вся деревянная отделка в нем была сделана заново.

Мне ежедневно приносили пищу из дворца, по три и даже по четыре раза, кроме того, что давали царские сыновья без промедления.

Мне построили каменную гробницу посреди гробниц.

Каменщики, которые строят гробницы, разметили ее основания; начальники живописцев ее расписали. Все вещи, которые ставятся в склеп, были исполнены для нее.

Для меня были назначены заупокойные жрецы и сделан мне погребальный сад и поля в нем пред моим городом, как делают для главного семера. Моя статуя была обложена золотом. Это его величество приказал ее сделать.

И я был в милостях у фараона, пока не пришел день погребения.

Закончено от начала до конца, как найдено написанным.

Из «Поучения Ахтоя»

Начало поучений, сделанных человеком, по имени Ахтой, сын Дуау, его сыну, по имени Пеппи, когда он плыл на юг к столице, чтобы отдать его в школу.

И он ему сказал:

— Обрати же твое сердце к книгам... Смотри, нет ничего выше книг!.. Если писец имеет должность в столице, то он не будет там нищим... О, если бы я мог заставить тебя полюбить книги больше, чем твою мать, если бы я мог показать перед тобой их красоты!

Это лучше всех других должностей. Когда писец еще ребенок, уже его приветствуют. Его посылают для исполнения поручений, и он не возвращается, чтобы надеть передник.

Я не видывал скульптора посланником или ювелира посланным, но я видел медника за его работой у топок его печи. Его пальцы были как кожа крокодила, и он пахнул хуже, чем рыба икра.

Каждый ремесленник, работающий резцом, устает больше, чем земледелец. Его поле — дерево, его орудие — металл. Ночью, когда он свободен, он работает больше, чем могут сделать его руки. И ночью он зажигает свет.

Каменотес ищет работу по всякому твердому камню; когда же он кончает, его руки падают, и он утомлен. И так он сидит до сумерек, и его колени и спина согнуты.

Брадобрей бреет до вечера... Он бродит с улицы на улицу, чтобы найти кого побрить; он напрягает свои руки, чтобы наполнить свой желудок, подобно пчелам, поедающим свои труды.

Я расскажу тебе еще о строителе стен. Он постоянно болен, так как предоставлен ветрам... Все одежды его — лохмотья... моется он только один раз... а хлеб он отдает домой; избиты, избиты его дети...

У земледельца вечная одежда... Устает он... и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь под львом. Он постоянно болеет...

Ткач — внутри дома... его ноги — на его желудке^[32]. Он не дышит воздухом. Если он за день не выработает достаточно тканья, он связан, как лотос на болоте. Он дает хлеб привратнику, чтобы он мог увидеть свет...

Когда посланец уходит в чужую страну, он завещает свое имущество своим детям из-за страха перед львами и азиатами. И если он вернулся в Египет, едва он достиг сада, едва он достиг своего дома вечером, как вновь

ему надо идти.

У красильщика пальцы издают зловоние, как отдохлой рыбы... его рука не останавливается.

Сандальщику совсем плохо, он всегда нищенствует. Ему так же спокойно, как спокойно кому-нибудь средидохлых рыб... Он жуёт кожу^[33].

Прачечник стирает на берегу рядом с крокодилом... Не спокойное это занятие... Ему говорят: «Если ты опоздаешь принести, будут избиты твои губы...»

Я расскажу тебе ещё о рыбаке, ему достаётся хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве он не работает на реке вперемешку с крокодилами?..

Смотри, нет должности, где не было бы начальника, кроме должности писца, ибо он сам — начальник.

Если кто знает книги, то ему говорится: «Это для тебя хорошо!» Не так с занятиями, которые я тебе показал... Не говорят писцу: «Поработай для этого человека!»

Полезен для тебя день в школе, работы в ней вечны, подобно горам.

Из «Жалоб Ипувера»

*Папирус содержит ценные сведения о восстании земледельцев,
ремесленников и рабов*

Прачечник отказывается нести свой груз... Охотники за птицами выстроились в ряды для битвы...

Вот бедняки стали владельцами прекрасных вещей.

Тот, кто не мог сделать себе сандалии, теперь владеет богатствами...

Вот богатые в горе, а бедняки радуются. Каждый город говорит: «Пойдем побьем наших знатных!..»

Вот золото и лазурит, серебро и малахит, сердолик и бронза украшают шеи рабынь, а знатные господа говорят: «О, если бы у нас было что поесть!»

Не различают сына знатного отца от человека, не имеющего такого. Вот дети князей побиты об стены...

Вот захвачены рукописи из суда...

Вот учреждения открыты и захвачены списки податей...

Вот чиновники убиты и захвачены их записи... Уничтожены записи писцов земледелия, и зерно Египта досталось всем.

Вот законы суда выброшены в сени, и люди ходят по ним на улицах, и бедняки рвут их в переулках...

Смотрите, делаются вещи, которые не случались никогда: царь захвачен бедняками. То, что скрывала пирамида, стало пустым.

Смотрите, страна лишена царской власти немногими людьми...

Вот кто не мог сделать себе саркофаг, стал владельцем гробницы...

Кто не мог построить себе клетушку, стал владельцем здания.

Смотрите, владевшие одеждами, теперь в лохмотьях, а тот, кто не ткал для себя, теперь владеет тонкими тканями.

Смотрите, тот, кто не строил себе даже лодку, теперь владеет кораблем, а тот, кому они принадлежали раньше, смотрит на них, но они уже не его...

Смотрите, тот, кто ничего не имел, стал владельцем богатства, и князь его восхваляет.

Смотрите, бедняки страны стали богачами, а владелец имущества стал человеком неимущим...

Смотрите, кто не имел хлеба, теперь владелец амбара, и закрома его наполнены добром другого...

Смотрите, та, которая не имела коробки, теперь владеет сундуком, и та, которая смотрела на свое лицо в воду, теперь владеет зеркалом.

Смотрите, знатные госпожи бродят голодными, а мясники насыщаются тем, что они им раньше приготавливали.

Смотрите, не имевший упряжки быков, теперь владелец стада. Смотрите, не имевший зерна, теперь владелец амбаров...

Царские закрома стали достоянием каждого, и весь дворец не получает податей.

Военная песня из надписи полководца Упы

Это войско вернулось с удачей —
оно взрыло страну Хериуша^[34]
Это войско вернулось с удачей —
оно разбило страну Хериуша.
Это войско вернулось с удачей —
оно повергло его крепости.
Это войско вернулось с удачей —
оно срубило ее смоквы и лозы.
Это войско вернулось с удачей —
оно сожгло ее поселки.
Это войско вернулось с удачей —
оно там поразило десятки тысяч отрядов.
Это войско вернулось с удачей —
оно привело многие отряды в плен.

Рабочие песенки

1. Песенка пахарей
Торопись, погонщик,
Погоняй быков!
Погляди, князь стоит
И смотрит на нас!

2. Песенка молотильщиков
Молотите себе, молотите себе,
О быки, молотите себе!
Молотите себе на корм солому,
А зерно для ваших господ.
Не останавливайтесь,
Ведь сегодня прохладно.

Из «Гимна Нилу»

Слава тебе, Нил, выходящий из земли
И идущий оживить Египет!
Орошающий поля, сотворенный богом Ра,
Чтобы всех животных оживить.
Творящий ячмень, создающий полбу,
Делает он праздник в храмах.
Если он медлит, то прекращается дыхание,
И все люди беднеют.
Когда же он восходит, земля в ликовании
И все живое в радости,
Зубы все начинают смеяться,
И каждый зуб обнажен.
Приносящий хлебы, обильный пищей,
Творящий все прекрасное!
Наполняющий амбары, расширяющий закрома,
Заботящийся об имуществе бедняков.
Радуетя тебе молодежь твоя и дети твои,
Спрашивают о состоянии твоём, как о фараоне.
Процветай же, процветай же,
О Нил, процветай же!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Созвездие, которое теперь называется Орион.

Рамсес II, правил Египтом с 1317 по 1251 год до нашей эры.

3

Египетское название города Фив.

Нубия — страна, расположенная к югу от Египта, по течению Нила.

5

Древнеегипетское название города Мемфиса.

См. перевод этой сказки в приложении.

См. перевод «Поучения Ахтоя» в приложении.

Египетский бог войны.

Сирийский бог войны.

См. перевод «Гимна Нилу» в приложении.

См. перевод сказки «Волшебник Деди» в приложении.

Египтяне делили год на три времени. Каждое время состояло из четырех месяцев. Месяцы имели по тридцать дней, к которым в конце года прибавлялось еще пять праздников, и год состоял, таким образом, из трехсот шестидесяти пяти дней.

Созвездие, которое теперь называется Большая Медведица.

Египтяне пользовались десятичной системой счета.

Из четырех действий арифметики египтяне, в сущности, знали только сложение и вычитание. Умножение было тем же сложением, потому что таблица умножения не была известна и процесс умножения сводился к постепенному удвоению множимого. Деление же сводилось к подыскиванию такого числа, на которое следовало умножить делитель, чтобы найти делимое.

Локоть — египетская мера длины. Один локоть равен 52 сантиметрам.

Полба — низкосортная пшеница.

Фараон Тутмес III правил Египтом с 1525 по 1491 год до нашей эры.

Египетская богиня войны.

Египетское название Нила.

Созвездие Бегемотихи называется теперь созвездием Малой Медведицы; ее крайняя звезда — Полярная звезда.

Города Гелиополь и Абидос.

Главный герой египетской «Повести о Синухете», см. перевод в приложении. По ходу повести Синухет чуть не гибнет во время бегства через пустыню.

Слова Синухета.

См. перевод из «Жалоб Ипувера» в приложении.

То есть лев покорно идет сзади волшебника, без привязи.

Фараон Аменемхет I, правил Египтом с 2000 по 1980 год до нашей эры.

Фараон Сенусерт I, правил Египтом с 1980 по 1960 год до нашей эры.

Семеры — вельможи.

Когда младшему царевичу сообщили о смерти отца, он решил завладеть престолом. Синухет, случайно услышав о его намерении, решил, опасаясь за свою судьбу, бежать из Египта в Азию.

Столица Египта в XX — XVIII веках до нашей эры.

То есть он сидит, поджав ноги.

То есть он зубами тянет дратву.

Хериуша — буквально значит «находящиеся на песке». Египтяне называли так племена кочевников, живущих к северо-востоку от Египта.